

KEN
FOLLETT

"Follett is a master storyteller."
—Kirkus

LIE DOWN
WITH LIONS

Кен Фоллетт

Лёжа со львами

1986

Фоллетт К.

Лёжа со львами / К. Фоллетт — 1986

1981 год, Париж. Поэт Эллис Тэйлор влюблена в студентку Джейн, и она отвечает ему взаимностью. Врач Жан-Пьер тоже влюблен в Джейн, но пока безрезультатно. Эллис и Джейн вскоре ссорятся, Эллис вынужден вернуться в США, а Джейн выходит замуж за Жан-Пьера. Но на самом деле... Эллис Тэйлор — агент ЦРУ, один из лучших оперативников, специализирующийся на поимке террористов. Жан-Пьер — французский коммунист, недавно завербованный КГБ для работы среди афганских моджахедов. А Джейн... просто феминистка, но и этого достаточно для патриархального Афганистана, где она через год окажется с молодым мужем...

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	5
Глава 2	18
Глава 3	25
Часть вторая	31
Глава 4	31
Глава 5	47
Конец ознакомительного фрагмента.	58

Кен Фоллетт

Лежа со львами

Часть первая
1981 год

Глава 1

Те, кто старался убить Ахмета Ильмаза, были серьезными людьми. Речь шла о студентах-турках, живших в иммиграции в Париже. Они уже убили атташе турецкого посольства и бросили зажигательную бомбу в дом, где жил один из ответственных сотрудников представительства турецких авиалиний. Они избрали Ильмаза своей следующей мишенью, поскольку он был богат, был сторонником военной диктатуры и пресколько жил в Париже.

Его дом и офис находились под надежной охраной, а разъезжал он в бронированном «Мерседесе». Тем не менее студенты считали, что у каждого мужчины есть своя слабость и таковой, как правило, был интерес к женщинам. Это в полной мере относилось к Ильмазу. В результате наблюдений за Ильмазом в течение нескольких недель выяснилось, что по вечерам два-три раза в неделю он садился в автомобиль «Рено», типа фургона, которым его obsłуга обычно пользовалась для поездок за покупками, и ехал до боковой улицы в пятнадцатом округе, где жила влюбленная в него красивая молодая турчанка.

И так, студенты решили заложить бомбу в автомобиль «Рено» в отсутствие хозяина.

Они точно знали, где достать взрывчатку, у Пепе Гоцци, одного из многочисленных сыновей корсиканского крестного отца Меме Гоцци. Пепе был торговцем оружием. Он продавал свой товар любому, но предпочитал «политических» клиентов, поскольку, по его оптимистическому признанию, «идеалисты платят больше». Он помогал студентам-туркам в их обоих предыдущих покушениях.

Однако в их плане, связанном с установкой бомбы в автомобиле, появилась одна загвоздка. Обычно место для девушки в автомобиле «рено» оставалось незанятым, но не всегда. Иногда Ильмаз отправлялся с ней куда-нибудь поужинать. Довольно часто она уезжала и возвращалась через полчаса на машине, нагруженной хлебом, фруктами, сыром, вином – видимо, для приятного пиршества. Кое-когда Ильмаз уезжал домой на такси, а девушка забирала его машину на день, а то и на два. Подобно всем террористам, студенты были романтиками, и не хотели убивать красивую девушку, единственная вина которой заключалась в любви к недостойному мужчине.

Они обсуждали эту проблему на демократической основе. Все решения принимались голосованием, невзирая на авторитеты. Тем не менее, среди них был один, авторитетностью которого предопределялась его господствующая роль. Звали его Рахми Коскун. Это был стройный эмоциональный молодой человек с густыми усами и самоуверенным блеском в глазах. Именно благодаря его энергии и решимости, несмотря на проблемы и связанный с ними риск, были реализованы два предшествующих проекта. Короче говоря, Рахми предложил посоветоваться с экспертом по взрывным устройствам.

Поначалу эта идея понравилась не всем. «Кому можно было довериться?» – прозвучал вопрос. Рахми назвал Эллиса Тейлера. Это был американец, который называл себя поэтом, но на самом деле жил репетиторством, давая уроки английского языка. Знаний о взрывчатых веществах он набрался во Вьетнаме, куда был призван на военную службу. Рахми знал его уже

примерно год, им вместе пришлось работать в недолго просуществовавшей революционной газете «Хаос», вместе же они организовали поэтические чтения для сбора средств для Организации Освобождения Палестины (ООП). Казалось, что он разделяет непримиримость Рахми, отвергавшего такое отношение к Турции, и его ненависть к исполнителям этого варварства. Некоторые из остальных студентов тоже были немножко знакомы с Эллисом, он иногда мелькал в рядах демонстрантов и казался им то ли выпускником университета, то ли начинаящим преподавателем. Тем не менее, заговорщики были против того, чтобы посвящать в свои планы нетурка. Однако Рахми настаивал, и они в конце концов согласились.

Эллис сразу же изъявил готовность помочь им в решении проблемы. Он объяснил, что бомба должна иметь металлический корпус, управляемый по радио. Рахми будет сидеть у окна в доме напротив квартиры девушки или будет наблюдать за автомобилем «Рено» из припаркованной на улице машины. В руках у него будет маленький радиопередатчик, похожий на дистанционный выключатель для автоматического открывания гаражных ворот. Если Ильмаз, как это чаще всего случалось, сядет в машину один, то Рахми нажмет на кнопку передатчика, и под влиянием радиосигнала сработает выключатель на взрывном устройстве, которое взорвется, как только Ильмаз попробует завести двигатель. Но если в машину сядет девушка, Рахми нажимать на кнопку не станет, и она спокойно уедет. Таким образом, взрывное устройство не сработает.

– Нет кнопки, нет взрыва, – пояснил Эллис.

Рахми понравилась сама идея, и он поинтересовался у Эллиса, захочет ли он сотрудничать с Пепе Гоцци, которому можно заказать взрывное устройство.

– Разумеется, – ответил Эллис.

Потом появилась еще одна закавыка.

– У меня есть друг, – сказал Рахми, – который хочет познакомиться с вами обоими. По правде говоря, ему надо с вами познакомиться, иначе все провалится. Дело в том, что этот друг дает нам деньги на взрывчатку, на автомашины, на взятки, оружие и все прочее.

– А почему он хочет с нами познакомиться? – поинтересовались Эллис и Пепе.

– Он хочет удостовериться, что взрывное устройство сработает, кроме того, ему важно убедиться в том, что он может вам доверять, – проговорил Рахми извиняющимся тоном. – Единственное, что от вас потребуется, это принести взрывное устройство и объяснить ему, как оно работает. Потом пожать ему руку, и дать ему посмотреть вам в глаза. Такая уж это невыполнимая просьба от человека, взвалившего на себя все труды?

– Я все понимаю, – ответил Эллис.

Пепе колебался. Ему хотелось получить обещанные за операцию деньги. Его всегда притягивали деньги, как свинью притягивает корыто с кормом. Но он не любил знакомиться с новыми людьми. Эллис стал его уговаривать.

– Послушай, – сказал он, – эти студенческие группировки расцветают и увядают, как мимоза весной. Рахми наверняка скоро исчезнет с горизонта. Но если ты будешь знать его «друга», то будешь заниматься своим бизнесом и после исчезновения Рахми.

– Ты прав, – ответил Пепе, который не отличался гениальностью, но схватывал суть дела при толковом ее изложении.

Эллис сообщил Рахми, что Пепе согласен, после этого Рахми назначил на следующее воскресенье свидание с троицей заговорщиков.

* * *

В то утро Эллис пробудился в постели Джейн. Он проснулся внезапно, охваченный страхом, словно во власти кошмара. Мгновение спустя он вспомнил о причине своего душевного состояния.

Эллис посмотрел на часы. Было рано. Пробежал мысленно свои планы. Если все сложится как надо, сегодняшний день будет отмечен торжественным окончанием длившегося более года упорного кропотливого труда. И ему удастся разделить этот триумф с Джейн, если ему все еще будет суждено оставаться живым в конце дня.

Он повернул голову, чтобы взглянуть на Джейн, – осторожно, чтобы не разбудить ее. Его сердце напряженно билось – впрочем, так было всегда, когда он разглядывал ее лицо. Джейн лежала на спине, ее курносый носик был повернут к потолку, а темные волосы лежали на подушке, как сложенное птичье крыло. Он посмотрел на ее широкий рот и полные губы, которые целовали его так часто и ласково. Луч весеннего солнца скатился по лицу этой темной блондинки на щеки – «бороду», как он говорил, когда хотел ее подразнить.

Ему доставляло редкое удовольствие разглядывать Джейн спящей, лицо расслабленное и лишенное всякого выражения. Обычно она была оживленной – на лице можно было прощать смех, недовольство, гримасы удивления, скепсиса или сочувствия. Самым привычным ее выражением казалась ухмылка, как у озорного мальчугана, только что позволившего себе в отношении кого-то безжалостный розыгрыш. Такой, как сейчас, она была только во сне или когда напряженно о чем-то думала, но именно такой он любил ее больше всего – при этой незащищенности и расслабленности можно было почувствовать томную чувственность, пылавшую под внешней оболочкой, как медленно тлеющий горячий подземный огонь. Когда Эллис разглядывал ее в таком состоянии, ему так и хотелось дотронуться до нее.

Это удивляло его. Когда вскоре после приезда в Париж Эллис впервые увидел Джейн, она поразила его как типично неуемная представительница молодежи из радикальных столичных кругов, которые создают разные комитеты и организуют кампании против апартеида, за ядерное разоружение, возглавляют марши протеста в связи с событиями в Сальвадоре и загрязнением воды, собирают деньги для голодающего народа Чада или стараются поддержать какого-нибудь талантливого молодого кинематографиста. Людей притягивал ее неотразимый, полный доброты взгляд, пленило ее очарование, возбуждал ее энтузиазм. Он несколько раз назначал ей свидание – просто чтобы испытать удовольствие понаблюдать за тем, как милая девушка поедает бифштекс, а потом – Эллис уже не мог точно вспомнить, когда это случилось – он обнаружил, что в этой легко возбуждающейся девушке живет страстная женщина, и он в нее влюбился.

Его пристальный взгляд скользил по маленькой квартире-ателье. Он с удовлетворением отметил сугубо личные вещи хозяйки, создававшие уют ее квартирки, изящная лампа, сделанная из миниатюрной китайской вазы, полка с книгами по экономике и нищете на планете, широкая мягкая софа, в которой можно утонуть, фотография отца, красивого мужчины в двубортном пальто, сделанная, по-видимому, в начале шестидесятых, небольшой серебряный кубок, который она выиграла на своем пони, по кличке Одуванчик, в 1971 году, т.е. десять лет назад. Тогда ей было тринадцать лет, – подумал Эллис, – а мне двадцать три, пока она выигрывала гонки на пони в Гемпшире, я был в Лаосе, где устанавливали противопехотные мины вдоль тропы Хо Ши Мина.

Когда Эллис впервые увидел ее квартиру, тут были в основном только стены, это было почти год назад, Джейн только что переехала сюда из пригорода. Ему запомнилась эта аттическая комната с кухней в алькове, душем в ванной и туалетом в холле. Постепенно она превратила этот загаженный чердак в веселенькое гнездышко. Она неплохо зарабатывала переводами с французского и русского на английский, но из-за высокой квартплаты – квартира находилась неподалеку от бульвара Сант-Мишель – ей приходилось постоянно считать деньги, чтобы сэкономить на приобретение необходимого ей стола из красного дерева, античной кровати и тебризского ковра. Как сказал бы отец Эллиса: «Джейн была „классной“ дамой». «Она еще понравится тебе, папочка, – размышлял про себя Эллис. – Она еще сведет тебя с ума».

Он повернулся набок лицом к Джейн и этим движением, как и ожидал, потревожил ее сон. На какую-то долю секунды она разглядывала потолок своими большими голубыми глазами, потом перевела взгляд на него, улыбнулась и прижалась к его груди.

Эллис сразу же возбудился. Полусонные, они прильнули на мгновение друг к другу и стали целоваться, потом она забросила ногу ему на бедра, и они, истомленные, начали молча заниматься любовью.

Когда они впервые отдались любви, а этим они занимались утром и ночью, а порой и вечерами, Эллис решил, что такая неуемность продлится недолго и что спустя несколько дней или пару недель ощущение новизны притупится, и они растворятся в среднестатистическом показателе 2,5 раза в неделю или около того. Но он ошибся. И год спустя они все еще взбодряживались, словно в свой медовый месяц.

Она взобралась на Эллиса, прижавшись к нему своим влажным телом. Заключив Джейн в свои крепкие объятия, он погрузился в ее маленькое тело. Почувствовав приближение его апогея, Джейн подняла голову, измерила Эллиса взглядом и, пока он погружался в нее, не закрывая рта поцеловала его. Сразу же раздался мягкий низкий стон, и он почувствовал, как в это воскресное утро на него накатываются широкие и нежные волны. Полусонная, она все еще сидела на нем. Он погладил ее волосы.

Мгновение спустя она пошевелилась.

– А знаешь, какой сегодня день? – пробормотала Джейн.

– Воскресенье.

– Сегодня твоя очередь готовить ленч.

– Я помню.

– Хорошо. – Наступила пауза. – И чем ты собираешься меня кормить?

– Бифштекс, картошка, бобы, козий сыр, клубника и крем «Шантильи».

Джейн подняла голову и рассмеялась:

– Это твой постоянный репертуар!

– Нет. Прошлый раз мы ели французскую фасоль.

– А еще раньше ты забыл, и нам пришлось есть вне дома. Как насчет того, чтобы немного разнообразить нашу пищу?

– Эй, погоди-ка. Мы договаривались о том, чтобы каждый из нас готовил ленч по очереди, одно воскресенье ты, одно – я. Никто не говорил, что каждый раз на ленч будет что-то новое.

Джейн снова уступила Эллису, делая вид, что он прав. Эллис не мог отстраниться от своих каждодневных забот. Он бессознательно нуждался в ее помощи, и вот наступил момент, когда он обратился к ней за содействием.

– Сегодня утром мне надо встретиться с Рахми, – начал он.

– Хорошо, я зайду к тебе позже.

– Если ты не возражаешь, то приезжай ко мне пораньше. Я хотел бы попросить тебя кое о чем.

– О чем же?

– Приготовь что-нибудь на ленч. Нет, нет! Я шучу. Хочу, чтобы ты помогла мне в одном небольшом заговоре.

– Продолжай, – сказала она.

– Сегодня у Рахми день рождения. Его брат Мустафа в городе, а Рахми ничего об этом не известно.

Если все это получится, – подумал Эллис, – я никогда больше не буду тебе лгать.

– Мне хотелось бы, чтобы Мустафа неожиданно появился на дне рождения у Рахми. Но мне нужен сообщник.

— Я готова, — произнесла Джейн. Она отодвинулась от него и, скрестив ноги, привстала в постели. Ее груди напоминали яблоки, гладкие, круглые и твердые. Пряди волос слегка касались сосков. — И что от меня требуется?

— Все очень просто. Я должен буду сказать Мустафе, куда ему идти, но Рахми еще не решил, где будет отмечать свой день рождения. Поэтому мне придется сообщить об этом Мустафе в последнюю минуту. И Рахми, по-видимому, окажется рядом со мной, когда раздастся телефонный звонок.

— И каково твое решение?

— Я позвоню тебе. И буду говорить всякую чепуху. Ни на что не обращай внимания, главное — это адрес. Позвони Мустафе, сообщи ему этот адрес и объясни, как туда добраться. — Вся эта история выглядела правдоподобной, когда Эллис ее придумал, но теперь все казалось неестественным.

Тем не менее Джейн, судя по всему, ничего на заподозрила.

— Вроде бы все в пределах допустимого, — сказала она.

— Хорошо, — оживленно сказал Эллис, скрывая облегчение.

— А после твоего звонка, когда ты будешь дома?

— Раньше чем через час. Я хочу подождать и посмотреть, чем обернется этот сюрприз, но не поеду туда на ленч.

Джейн задумчиво посмотрела на него.

— Пригласили тебя без меня.

Эллис пожал плечами.

— Я думаю, приглашены в основном мужчины. — Он протянул руку к блокноту на прикроватной тумбочке и написал «Мустафа» и номер телефона.

Джейн встала с постели и направилась прямо в ванную комнату. Войдя туда, включила кран. Сейчас у нее уже сменилось настроение. Улыбка исчезла с ее лица.

— Что тебе не по душе?

— Ничто, — проговорила Джейн. — Иногда мне не нравится, как твои друзья относятся ко мне.

— Но ты же знаешь, как турки относятся к девушкам.

— Именно — к девушкам. К респектабельным женщинам — по-другому. Но я-то девушка. Эллис вздохнул.

— Стоит ли забивать себе голову доисторическими взглядами нескольких шовинистов?

О чем ты действительно хочешь мне рассказать?

Джейн задумалась на мгновение, стоя голышом возле душа. В этот момент она показалась ему настолько привлекательной, что Эллису снова захотелось заняться с ней любовью.

— Мне кажется, меня не устраивает мой статус, — проговорила Джейн. — Я предана тебе, и это знает каждый. Я сплю только с тобой. Ни с кем больше не встречаюсь, а ты мне вовсе не предан. Живем мы раздельно. Я не знаю, где ты бываешь и чем занимаешься. Мы так и не познакомились с родителями друг друга... Людям все это известно, вот и относятся ко мне как к уличной девке.

— По-моему, ты преувеличиваешь.

— Ты всегда так говоришь. — Джейн вошла в ванную комнату и хлопнула дверью.

Эллис достал бритву из ящика, в котором хранил свои бритвенные принадлежности, и стал бриться у раковины в кухне. Такие споры случались у них и раньше, причем даже более напряженные, он хорошо понимал, в чем причина, Джейн хотелось, чтобы они жили вместе. Ему этого, конечно, тоже хотелось. Он хотел жениться на ней и прожить вместе до самой смерти. Но вначале он должен был осуществить свой план, из-за чего не мог раскрыть ей все тайны. Поэтому шли в ход отговорки типа: «Я еще не созрел» и «единственное, что мне нужно, — это время». Эти расплывчатые отговорки приводили ее в ярость. Ей казалось, что год

– это слишком большой срок, чтобы любить мужчину без каких-либо обязательств с его стороны. Конечно, она была права. Но если сегодня все пройдет, как надо, он сможет все уладить.

Кончив бриться, он завернул свою бритву в полотенце и положил в ящик. Джейн вышла из ванной комнаты, и он занял ее место. «Мы даже не разговариваем друг с другом, – подумалось ему, – это даже глупо».

Пока Эллис принимал душ, Джейн сварила кофе. Быстро натянув выцветшие хлопчатобумажные джинсы и черную тенниску, он уселся напротив нее за маленький столик из красного дерева. Она налила ему кофе и сказала: «Мне бы хотелось серьезно поговорить с тобой».

– Ладно, – мгновенно согласился он, – сделаем это за ленчем.

– Почему не сейчас?

– У меня нет времени.

– Значит, день рождения Рахми для тебя важнее, чем наши отношения?

– Конечно, нет. – Эллис уловил раздражение в ее интонации, и какой-то внутренний голос подсказывал ему: «Будь мягче, а то ты ее потеряешь!» – Но я уже обещал и должен сдержать слово, я думаю не так уж важно, когда состоится наш разговор – сейчас или чуть позже.

Взгляд Джейн стал неподвижным и упрямым. Это было ему знакомо. Такое выражение лица возникало, когда она приняла решение и кто-то пытался столкнуть ее с намеченного пути.

– Мне надо поговорить именно сейчас.

На какой-то миг Эллис был склонен немедленно выложить ей всю правду. Но он все спланировал по-другому. Однако времени оставалось совсем мало, его мозг был нацелен совсем на другое, короче говоря, он не был готов к такому разговору. Лучше всего поговорить об этом позже, когда оба будут спокойнее. Вот тогда Эллис расскажет ей, что свое задание в Париже он выполнил. Поэтому он и ответил: «Мне кажется, это было бы неразумно. Тогда и я буду спокойней, чем сейчас. Давай поговорим об этом позже. А сейчас мне надо идти». – Эллис встал.

Когда он приблизился к двери, Джейн сказала: «Жан-Пьер предложил мне поехать с ним в Афghanistan».

Это сообщение оказалось для Эллиса столь неожиданным, что ему потребовалось какое-то время, чтобы осмыслить его суть.

– Ты это на полном серьезе?

– Да.

Эллис знал, что Жан-Пьер влюблен в Джейн. Таковых насчитывалось еще не менее пол-дюжины. У такой женщины, как Джейн, по-другому и быть не могло. Правда, ни одного из этих мужчин Эллис не считал своим серьезным соперником. По крайней мере, он не задумывался вплоть до этого момента. Эллис стал приходить в себя после услышанного.

– Чего ради тебе ехать туда, где идет война, да еще с каким-то фраером?

– Оставь свои шутки! – проговорила Джейн со злобой в голосе. – Речь идет о моей жизни. Он недоверчиво покачал головой.

– Ты не можешь уехать в Афghanistan.

– Почему же?

– Потому что ты любишь меня.

– Но это вовсе не значит, что ты можешь мной распоряжаться, как хочешь.

Хорошо еще, что она не сказала: а я не люблю. Он посмотрел на часы. Это было действительно смешно, через несколько часов он собирался рассказать ей все, что ей так хотелось услышать.

– Я не собираюсь этого делать, – ответил он. – Речь идет о нашем будущем, и тут нельзя торопиться.

– Я не собираюсь ждать всю жизнь, – заметила Джейн.

– Я не прошу тебя ждать всю жизнь, я прошу тебя подождать несколько часов. Он прикоснулся к ее щеке, – Давай не будем ссориться из-за нескольких часов.

Она встала с кресла и крепко поцеловала его в губы.

– Ты не поедешь в Афганистан, правда? – проговорил он.

– Не знаю, – решительно проговорила Джейн. Он попытался изобразить подобие ухмылки.

– По крайней мере, до ленча.

Кивнув, Джейн ответила улыбкой.

– До ленча уж точно нет.

Прежде чем уйти, Эллис внимательно посмотрел на нее.

* * *

Широкие бульвары Елисейских полей были запружены туристами и вышедшими на утреннюю прогулку парижанами. Они толпились под теплым весенним солнцем, как овцы в загоне. Все кафе на тротуарах были переполнены. Эллис стоял неподалеку от условленного места. За спиной у него был рюкзак, который он купил в дешевом магазине чемоданов. Эллис был похож на американца, который путешествует по Европе на попутных машинах.

Зря Джейн выбрала это утро для серьезного разговора, сейчас она, наверное, вся в раздумьях и, когда он придет, будет во взбудораженном состоянии. Ну что ж, вначале придется ее успокоить.

Эллис выбросил Джейн из головы и сосредоточился на предстоящем задании.

В отношении личности «друга» Рахми имелось две версии. Согласно одной из них, он был свободолюбивым турком, который по политическим или личным мотивам счел оправданным применение насилия против военной диктатуры и ее сторонников. Такую постановку вопроса Эллис воспринял бы с разочарованием.

По второй версии речь шла о Борисе. «Борис» был легендарной фигурой в тех кругах, в которых вращался Эллис. Это были революционно настроенные студенты, палестинцы-эмигранты, работавшие на полставки лекторы-политологи, редакторы неряшливо издававшихся экстремистских газет, анархисты и маоисты, армяне и воинствующие вегетарианцы. Говорили, будто он русский, агент КГБ, стремящийся финансировать любой леворадикальный акт насилия на Западе. Многие выражали сомнение в его существовании, особенно те, кто пытался и не сумел получить финансовые средства от русских. Но Эллис время от времени замечал, что группа, которая месяцами только и делала, что жаловалась на отсутствие денег на копировальную машину, вдруг переставала болтать об ограниченных финансах и проникалась важностью вопроса о безопасности, а затем, чуточку позже, случались похищения людей, стрельба или взрывы бомб.

Эллис вполне допускал, что русские дают деньги таким группам, как турецкие диссиденты, едва ли они могли устоять перед тем, чтобы упустить такую простую и не связанную с большим риском возможность организации беспорядков. Кроме того, США finanziровали похитителей людей и убийц в Центральной Америке, поэтому трудно было ожидать, чтобы Советский Союз проявил большую щепетильность, чем американцы. И поскольку деньги, задействованные в такого рода аферах, не снимались с банковских счетов и не переводились по телексу, требовался кто-то для получения в руки фактических банкнот, стало быть, требовался такой человек, как Борис.

Эллису не терпелось познакомиться с ним.

Рахми прошел мимо него ровно в десять тридцать. На нем была розовая рубашка фирмы «Лакост» и тщательно отглаженные рыжевато-коричневые брюки. Выглядел он как-то угловато. Окинув Эллиса пристальным взглядом, он отвернулся.

Эллис последовал за ним, держась, как и было условленно, на расстоянии 10-15 метров. На ближайшей площадке открытого кафе восседал мускулистый тяжеловес Пепе Тоцци,

в костюме из черного шелка, словно после мессы, что, возможно, так и было. На коленях он держал огромный портфель. Он встал и зашагал почти вровень с Эллисом, причем таким образом, что случайному наблюдателю трудно было бы понять, вместе ли они идут или каждый сам по себе.

Рахми направился к холму в сторону Триумфальной Арки.

Эллис наблюдал за Пепе краем глаза. Корсиканец обладал животным инстинктом самоохранения. Он незаметно проверял, нет ли за ним слежки – сначала, когда переходил улицу и, естественно, мог обернуться, окинув взглядом бульвар, пока стоял в ожидании разрешающего сигнала светофора, и потом, проходя мимо углового магазина, где мог наблюдать шедших сзади него людей по отражению в диагональной витрине.

Эллису нравился не Пепе, а Рахми, который отличался искренностью и принципиальностью. Так что люди, которых он убил, наверное, заслуживали того. Пепе был совсем другим. Он шел на это ради денег и еще потому, что был слишком грубым и тупым, чтобы выжить в мире законного бизнеса.

За три квартала восточнее Триумфальной Арки Рахми свернул в боковую улицу. За ним последовали Эллис и Пепе. Рахми перевел их через улицу, и они вошли в отель «Ланкастер». Здесь было назначено свидание. Эллис надеялся, что встреча состоится в баре или ресторане отеля, в общественном месте он чувствовал бы себя увереннее.

После уличной жары от мраморного холла повеяло прохладой. Эллис почувствовал легкий озноб. Официант в смокинге презрительно оглядел его джинсы. Рахми вошел в крохотный лифт в самом конце Г-образного вестибюля. Судя по всему, они направлялись в гостиничный номер. Так оно и есть. Эллис прошел вслед за Рахми в лифт, а Пепе протиснулся сзади. Пока лифт шел вверх, нервы у Эллиса были напряжены до предела. Они вышли на четвертом этаже. Рахми подвел их к сорок первому номеру и постучал в дверь.

Эллис старался выглядеть спокойным и безразличным.

Дверь медленно открылась. Это был Борис. Эллису сразу стало ясно, как только он взглянул на этого человека. Он ощутил возбуждение триумфа и одновременно озноб страха. Понятие «Москва» присутствовало во всем этом человеке, начиная с его дешевой короткой стрижки и кончая сугубо практическими ботинками. Безшибочно угадывался стиль КГБ в его жестком оценивающем взгляде и в зверином оскале рта. Этот человек не был похож ни на Рахми, ни на Пепе. Он не был ни пылким идеалистом, ни грязным мафиози. Борис был твердокаменным, профессиональным террористом, который без колебаний проломит голову любому или всем троим, стоявшим сейчас перед ним.

Как долго я искал тебя, – пронеслось в мыслях у Эллиса.

На какое-то мгновение Борис придержал дверь полуоткрытой, частично загораживая ею свое тело, изучая пришедших. Потом он отступил от двери и сказал по-французски: «Входите!»

Они вошли в гостиную апартаментов. Она отличалась явной изысканностью, была обставлена креслами, столами и буфетом, скорее всего, восемнадцатого века. На изящном столике с изогнутыми ножками лежал блок сигарет «Мальборо» и стояла литровая бутылка бренди из магазина беспошлинной торговли. В дальнем углу гостиной полуоткрытая дверь вела в спальню. Рахми представил гостей нервно и небрежно:

– Пепе, Эллис, мой друг.

Борис оказался широкоплечим мужчиной в белой сорочке с засученными рукавами, которые подчеркивали его мясистые волосатые руки. Его синие брюки казались слишком тяжелыми для такой погоды. На задней спинке кресла висел черный пиджак в коричневую клетку, который плохо сочетался с синими брюками.

Эллис поставил на ковер свой рюкзак и опустился в кресло.

Борис указал жестом на бутылку бренди.

– Выпьете?

У Эллиса не было желания пить бренди в одиннадцать часов утра.

– Да, пожалуйста, кофе, – проговорил он.

Борис измерил его жестким враждебным взглядом и сказал:

– Мы все будем пить кофе, – и подошел к телефонному аппарату.

«Он привык, чтобы все его боялись, – подумал Эллис, – ему не нравится, что я говорю с ним на равных».

Рахми явно испытывал перед Борисом благоговейный страх, он нервно сутился и, пока русский вызывал официанта, то расстегивал, то снова застегивал верхнюю пуговицу своей розовой тенниски.

Борис повесил трубку и, обращаясь к Пепе, сказал по-французски:

– Рад с вами познакомиться. Надеюсь, мы будем полезны друг другу.

Пепе молча кивнул. Он сидел в плюшевом кресле. Его мощные телеса в черном костюме производили довольно странное впечатление на фоне роскошной мебели, словно желавшей поглотить его.

«У Пепе много общего с Борисом, – подумалось Эллису, – оба крепкие физически и жесткие, лишенные вежливости или сострадания. Если бы Пепе был русским, он оказался бы в КГБ, а если бы Борис был французом, он стал бы мафиози».

– Покажи мне бомбу, – сказал Борис.

Пепе раскрыл свой портфель. Он был набит брусками какого-то желтоватого вещества – примерно в тридцать сантиметров длиной и несколько сантиметров шириной. Борис опустился на ковер рядом с рюкзаком и ткнул указательным пальцем в один из кубов. Вещество подалось, как замазка. Борис принюхался.

– Наверное, это С-3, – сказал он Пепе. Пепе кивнул.

– А где сам механизм?

– У Эллиса в рюкзаке, – ответил Рахми.

– Нет, у меня нет, – заметил Эллис.

В комнате на мгновение воцарилась тишина. На красивом юном лице Рахми появилась паника.

– Как это следует понимать? – спросил он с волнением в голосе. Его полный страха взгляд метался от Эллиса к Борису и обратно.

– Ты сказал… Я сказал, что ты…

– Заткнись, – грубо крикнул Борис. Рахми замолчал. Борис выжидающе смотрел на Эллиса.

Эллис ответил с напускным безразличием.

– Я боялся, что здесь могла быть устроена ловушка, потому и оставил сам механизм дома. Он может быть здесь уже через несколько минут. Достаточно позвонить моей девушке.

Несколько секунд Борис пристально разглядывал его. Эллис, насколько мог, холодно ответил на его взгляд. Наконец Борис проговорил:

– Почему ты решил, что здесь может быть подстроена ловушка?

Эллис прикинулся, что попытка самооправдания может быть воспринята, как желание уйти в оборону. В любом случае это был глупый вопрос. Он надменно посмотрел на Бориса, потом повел плечами и промолчал.

Борис продолжал испытующе поглядывать на него. Наконец он сказал:

– Я позвоню.

Протест чуть было не сорвался с губ Эллиса, но он подавил его. Он не ожидал такого развития событий. Начиная злиться, Эллис осторожно продолжал изображать позу «а мне все равно плевать». Интересно, как Джейн среагирует на незнакомый голос? Жалко, что он использовал ее, как заложницу. Но теперь жалеть об этом поздно.

— А ты осторожный человек, — сказал он Борису.

— Ты тоже. Какой у тебя номер телефона?

Эллис назвал. Борис записал номер на блокноте около телефонного аппарата и стал набирать. Остальные застыли в ожидании.

— Хелло, — проговорил Борис. — Я звоню по поручению Эллиса.

Наверное, просто незнакомый голос не подействует на нее, подумал Эллис. В любом случае, она ожидала какого-то эксцентричного звонка. «Ни на что не обращай внимания, главное — это адрес», — говорил он ей.

— Что? — раздражительно спросил Борис, и Эллису подумалось: вот чертовщина, о чем она сейчас с ним говорит?

— Да, да. Но это не так важно, — ответил Борис. — Эллис хочет, чтобы вы привезли механизм в гостиницу «Ланкастер» на улице Берри, комната сорок один.

Наступила еще одна пауза. «Продолжай свою игру, Джейн», — подумал Эллис.

— Да, это очень приятная гостиница.

«Кончай разыгрывать его! Просто скажи ему, что привезешь все, что надо. Пожалуйста!»

— Благодарю вас, — сказал Борис и добавил не без сарказма: — Вы очень любезны. — Потом повесил трубку.

Эллис делал вид, будто все в порядке вещей.

— Она поняла, что я русский, — сказал Борис. — Как она догадалась?

Озадаченный на мгновение, Эллис ответил:

— Языки — ее специальность. Ей все стало ясно по акценту.

— Пока мы тут ждем официанта, давайте разберемся с деньгами, — впервые напомнил о себе Пепе.

— Ладно, — сказал Борис и отправился в спальню. В его отсутствие Рахми шепотом заговорил с Эллисом.

— Я не знал, что вы собирались провернуть этот номер!

— Ясное дело, не знали, — ответил Эллис деланным тоном скучающего человека. — Если бы вы знали о моих планах, не было бы никакой гарантии, понятно?

Борис вернулся в гостиную с большим коричневым конвертом и передал его Пепе. Тот вскрыл его и стал пересчитывать стофранковые банкноты.

Борис распечатал пачку «Мальборо» и закурил сигарету.

Эллис подумал: «Надеюсь, Джейн не стала выжидать и сразу позвонила «Мустафе». Надо было предупредить ее, что важно передать это сообщение немедленно.

Некоторое время спустя Пепе сказал: «Все на месте». Он положил деньги обратно в конверт, смочил языком намазанный kleem край, заклеил конверт и положил его на столик.

Несколько минут все четверо сидели молча.

— Далеко отсюда до вас? — поинтересовался Борис.

— Четверть часа на скутере.

Раздался стук в дверь. Эллис напрягся.

— Быстро она добралась, — проговорил Борис, открывая дверь.

— Кофе принесли, — сказал он с отвращением и вернулся на свое место.

Два официанта в белых куртках вкатили в номер тележку. Они выпрямились и повернулись к гостям. В руках каждый из них держал пистолет "Д"МАВ, табельное оружие французских детективов.

— Не двигаться! — произнес один из них.

Эллис почувствовал, что Борис приготовился к прыжку. Если бы Рахми сделал неверный шаг и застрелился, это поубавило бы желание Пепе с Борисом бросаться на вооруженных людей.

Распахнулась дверь в спальню, и появились еще двое офицантов, вооруженных как и их коллеги.

Борис расслабился, на его лице была печать смирения.

Эллис почувствовал, что задерживает дыхание. Он медленно выдохнул.

Все закончилось.

В комнату вошел офицер полиции в форме.

– Западня! – взорвался Рахми. – Это западня!

– Заткнись, – вскрикнул Борис, снова заглушив Рахми своим резким голосом. Обращаясь к полицейскому чину, он произнес: – Я самым решительным образом протестую против подобного акта грубого произвола. Прошу принять к сведению, что…

Полицейский ткнул ему в лицо обтянутым перчаткой кулаком. Борис дотронулся до своих губ, потом посмотрел на пятно крови на руке. Весь его облик резко изменился, когда он осознал, что все это слишком серьезно, чтобы блефовать относительно его роли в этой истории.

– Запомните мое лицо, – сказал он полицейскому чину голосом, полным могильного холода. – Вы еще увидите его.

– Но кто же предатель? – воскликнул Рахми. – Кто нас предал?

– Он, – проговорил Борис, указывая на Эллиса.

– Эллис? – недоверчиво спросил Рахми.

– Телефонный звонок, – сказал Борис. – И адрес.

Рахми пристально посмотрел на Эллиса. Казалось, что это его задело за живое.

Появилось еще несколько полицейских в форме. Офицер показал жестом на Пепе.

– Это Гоцци, – сказал он.

Двое полицейских надели наручники на Пепе и увяли его. Офицер посмотрел на Бориса.

– А вы кто?

Борис сделал вид, что все вокруг ему наскучило.

– Меня зовут Ян Хохт, – сказал он, – я гражданин Аргентины.

– Не обращайте внимания, – сказал полицейский с отвращением. – Уведите его, – повернувшись к Рахми, он проговорил. – Ну так что?

– Мне нечего сказать, – сказал Рахми, стараясь придать своим словам героическое звучание.

Офицер хлопнул Рахми по голове, и на него тоже надели наручники. Пока его не увяли, он свирепо смотрел на Эллиса.

Арестованных по одному спустили в лифте. Портфель Пепе и конверт со сто франковыми билетами положили в полиэтиленовый мешок. Появился фотограф из полиции, который принял участие устанавливать штатив. Офицер сказал, обращаясь к Эллису:

– Неподалеку от гостиницы припаркован черный «Ситроен Д», – чуть помедлив, он добавил: – Сэр.

«Я возвращаюсь в лоно закона, – подумал Эллис. – Жаль, что Рахми как мужчина гораздо привлекательнее, чем этот полицейский».

Он спустился в лифте. По мере появления в холле гостиницы все большего числа полицейских, администратор в черном пиджаке и полосатых брюках застыл с обиженным выражением лица.

Эллис вышел из гостиницы на солнце. Черный «Ситроен» стоял на другой стороне улицы. За рулем сидел шофер, сзади устроился пассажир. Эллис сел сзади. Машина быстро рванула вперед.

– Хелло, Джон, – сказал пассажир, повернувшись к Эллису. В ответ Эллис улыбнулся. Более чем год спустя ему странно было услышать свое имя.

– Как дела, Билл? – спросил он в свою очередь.

— С облегчением! — заметил Билл. — За тринадцать месяцев до нас доходили от тебя разве что просьбы прислать денег. Потом раздается категорический телефонный звонок, с требованием за двадцать четыре часа подготовить команду, чтобы кого-то арестовать. Можешь себе представить, сколько понадобилось усилий, чтобы убедить французов провести эту операцию без указания причин. Этой группе необходимо было быть наготове вблизи Елисейских Полей, но чтобы узнать точный адрес, пришлось ждать телефонного звонка от неизвестной женщины, попросившей соединить ее с Мустафой. Вот и все из того, что нам известно!

— Другой возможности просто не было, — сказал Эллис извиняющимся тоном.

— Так вот, потребовалось немало усилий, и теперь я многим людям обязан в этом городе, но мы пошли на это. Так вот, скажи мне, пожалуйста, стоило оно того? Что мы получили взамен в этом мешке?

— Борис — он русский, — произнес Эллис.

Лицо Билла вытянулось в широкой ухмылке.

— Быть мне сукиным сыном, — проговорил он, — ты зацепил Бориса! Ты не шутишь?

— Не шучу.

— Боже праведный! Я бы предпочел забрать его у французов, прежде чем они разберутся, кто он такой.

Эллис повел плечами.

— В любом случае, никто не собирается выжимать из него массу информации. Он бесконечно преданный своему делу тип. Главное, что мы вывели его из игры. Теперь им понадобится пара лет, чтобы подготовить контакты для внедрения нового Бориса. Между тем мы существенно замедлили проведение их операций.

— Уж это точно. Это настоящая сенсация.

— Пепе Гоцци — корсиканец, торговец оружием, — продолжал Эллис. — За последние два года его оружие использовалось при совершении почти каждого террористического акта во Франции, а еще чаще в других странах. Вот ему будет что рассказать на допросах. Отправьте французского детектива в Марсель побеседовать с его отцом Меме Гоцци. Я предсказываю: окажется, что старику никогда не была по душе идея участия семьи в политических преступлениях. Предложите ему сделку: неприкосновенность Пепе, если тот даст показания против почти всех политических деятелей, которым он поставлял оружие, исключая при этом обычных преступников. Меме наверняка согласится, потому что это не будет рассматриваться, как предательство друзей. И если Меме пойдет на это, Пепе отказываться не станет. Французы могут вести судебное расследование деяний за минувшие годы.

— Потрясающе, — проговорил изумленный Билл. — За один день ты отправишь за решетку двух крупнейших организаторов терроризма в мире.

— За один день? — ухмыльнулся Эллис. — На это потребовался целый год.

— Это стоило того.

— Молодой парень — это Рахми Коскун, — сказал Эллис. Он спешил, потому что был еще кое-кто, кому он хотел все это рассказать. — Рахми со своей группой пару месяцев назад устроили взрыв в представительстве турецких авиалиний, а до того они убили атташе посольства. Если ты взял всю группу, у тебя в руках наверняка все конкретные судебные доказательства.

— Или французская полиция заставит их расколоться.

— Да. Дайте мне карандаш, и я напишу все имена и адреса.

— Все это надо сберечь, — сказал Билл. — Я собираюсь выслушать твой полный отчет уже в посольстве.

— Я не собираюсь возвращаться в посольство.

— Джон, не нарушай программу.

– Я сообщу тебе эти имена, и тогда ты будешь располагать всей действительно существенной информацией, даже если сегодня вечером меня задавит какой-нибудь пьяный таксист. Если я выживу, мы встретимся завтра утром, и я сообщу тебе все подробности.

– А почему надо ждать?

– У меня свидание за ленчем.

Билл выкатил глаза.

– Я думаю, этим мы обязаны тебе, – проговорил он с неохотой.

– И я так думаю.

– А с кем у тебя свидание?

– С Джейн Ламберт. Ты назвал ее имя, когда в первый раз инструктировал меня.

– Припоминаю. Я сказал тебе, если ты добьешься ее расположения, она познакомит тебя с любым безумным леваком, арабским террористом, сторонником группы Бадер-Майнхоф и парижским поэтом-авангардистом.

– Именно так все и случилось. Кроме того, я в нее влюбился.

Билл был похож на банкира из Коннектикута, которому сообщили, что его сын решил жениться на дочери чернокожего миллиардера, он не знал, как реагировать на это сообщение – затрепетать или ужаснуться.

– Ой, и что же она из себя представляет?

– Она вовсе не безумная, хотя у нее есть несколько безумных друзей. Что еще можно о ней сказать? Она прелестна, как писанная красавица, потрясающая умница, ну а в постели ей нет равных. Короче, она изумительна. Она та самая женщина, которую я искал всю жизнь.

– Ну что ж. Теперь мне понятно, почему ты предпочитаешь отпраздновать это событие с ней, а не со мной. И что же ты намерен предпринять?

Эллис улыбнулся.

– Я собираюсь открыть бутылочку вина, зажарить пару бифштексов, сказать ей, что зарабатываю на жизнь тем, что ловлю террористов, и попросить ее стать моей женой.

Глава 2

Наклонившись над столом, Жан-Пьер одарил сидевшую в столовой брюнетку сочувственным взглядом.

— Мне кажется, я знаю, что у вас на душе, — проговорил он с теплой интонацией в голосе. — Я помню, какое подавленное состояние у меня было к концу первого года учебы в медицинском институте. Казалось, что тебя напичкали большим объемом информации, чем способен переварить мозг, и ты уже просто не знаешь, как все это своевременно усвоить, чтобы сдать экзамен.

— Точно так, — проговорила она, энергично кивая. Брюнетка была близка к тому, чтобы разрыдаться.

— Это добный знак, — с пониманием заметил он. — Это означает, что на своем курсе вы лидер. Те, кого не волнует учеба, непременно провалятся.

Ее карие глаза стали влажными от благодарности.

— Вы действительно так считаете?

— Я убежден в этом.

Она посмотрела на него восторженным взглядом. «Ты ведь, милая, с большим желанием съела бы меня, а не свой ленч», — подумал он. Она чуть-чуть пощевелилась, из-за чего опустился ворот ее свитера и показалась кружевная отделка бюстгальтера. Жан-Пьер на мгновение ощутил искушение. В восточном крыле больницы был чулан для белья, в который примерно после полдесятого утра уже никто не заглядывал. Жан-Пьер неоднократно пользовался этим. Дверь можно было запирать на ключ изнутри и располагаться на горе мягких чистых простыней...

Брюнетка вздохнула и, подцепив вилкой, отправила кусок бифштекса в рот. Как только она принялась жевать, Жан-Пьер потерял к ней всякий интерес. Он не любил смотреть на людей, когда они едят. Так или иначе, он лишь напрягся, чтобы доказать самому себе, что он все еще может, у него действительно не было желания совращать ее. Она была очень мила, с кудрявыми волосами и средиземноморским цветом кожи. У нее было привлекательное тело, но сегодня Жан-Пьер не испытывал большого желания одерживать эпизодические победы. Взволновать его больше, чем на несколько минут, могла только Джейн Ламберт, но она даже ни разу не поцеловала его.

Он отвел глаза от брюнетки, и его взгляд беспокойно заскользил по больничной столовой. Он не заметил ни одного знакомого лица. Столовая была почти пуста. Дело в том, что он рано пришел обедать, так как работал в раннюю смену.

Исполнилось вот уже полгода с того момента, как он впервые увидел потрясающее красивое лицо Джейн через головы участников многолюдного приема, организованного по поводу выхода новой книги по феминистской гинекологии. Он тогда сказал ей, что нет такого понятия, как феминистская медицина, есть просто хорошая и плохая медицина. В ответ она заметила, что никогда не существовала христианская математика и тем не менее, потребовался такой еретик, как Галилео, доказавший, что Земля вращается вокруг Солнца. Жан-Пьер в своей абсолютно обезоруживающей манере воскликнул: «Вы правы!», — после чего они подружились.

Тем не менее, Джейн не воспринимала, даже больше, отвергала его благосклонность. Хотя Жан-Пьер был ей симпатичен, складывалось впечатление, что значительно ближе ей американец, несмотря на то, что Эллис был значительно старше ее. Так или иначе, Джейн все больше нравилась Жан-Пьеру. Вот только бы Эллис исчез с горизонта — пусть его задавит автобус или пусть с ним случится что-нибудь еще... В последнее время Жан-Пьеру стало казаться, что непримиримое отношение Джейн к нему стало как будто ослабевать. Или он принимает желаемое за действительное?

– Это правда, что вы собираетесь на два года в Афганистан? – спросила брюнетка.

– Правда.

– И чего ради?

– Наверное, потому что я верю в свободу. А еще потому, что мне не довелось пройти всю эту подготовку, необходимую, как коронарная нагрузка для толстого бизнесмена – Ложь так и изливалась с его губ.

– Но почему на два года? Кто не может обойтись без этого, обычно отправляется туда на срок от трех до шести месяцев, максимум на год. Два года – это прямо вечность.

– Вы так считаете? – Жан-Пьер изобразил на лице кривую улыбку. – Видите ли, трудно добиться чего-то полноценного в сжатые сроки. Отправлять туда врачей на непродолжительное время малоэффективно. Дело в том, что мятежникам требуется нечто вроде постоянно действующей медицинской структуры, ну, скажем, госпиталь, базирующийся в одном и том же месте и располагающий до определенной степени неизменным персоналом в течение от одного до двух лет. В нынешней обстановке половина людей просто не знает, куда везти своих больных и раненых, они не подчиняются рекомендациям врачей, так как просто не знают их достаточно хорошо, чтобы им верить, к тому же у врачей нет времени для санитарного просвещения. А расходы, связанные с доставкой добровольцев в страну и обратно, делают их «бесплатное» обслуживание достаточно дорогим. – Жан-Пьер с таким пылом излагал свои аргументы, что почти уверовал в них сам. Ему пришлось вспомнить о том, что побудило его самого отправиться в Афганистан и что на самом деле заставило его провести там целых два года.

– Кто же собирается оказывать безвозмездные услуги? – раздался чей-то голос у него за спиной.

Он обернулся и увидел другую пару, державшую в руках подносы с пищей, Валери, которая, как и он, работала в больнице и жила при ней, и ее друг, рентгенолог. Они сели рядом с Жан-Пьером и брюнеткой, которая и ответила на вопрос Валери: «Жан-Пьер готов отправиться в Афганистан, чтобы помочь мятежникам».

– Неужели? – удивилась Валери. – Я слышала, что вам предложили прекрасное место в Хьюстоне.

– Я отказался от этого предложения.

– Почему же? – спросила пораженная Валери.

– Я считаю, что важнее спасать жизни борцов за свободу, а вот некоторым техасским миллионерам до этого совсем нет дела.

Рентгенолог не испытывал такого восхищения от решения Жан-Пьера, как его подруга. Проглотив свою порцию помидоров, он сказал:

– Не стоит переживать. Когда вы вернетесь, без труда получите то же самое предложение. Вы уже будете героем и останетесь врачом.

– Вы так думаете? – холодно спросил Жан-Пьер. Ему не нравился такой поворот в разговоре.

– В прошлом году из этой больницы двое уехали в Афганистан, – продолжал рентгенолог. – По возвращении обоим предложили великолепные места.

В глазах Жан-Пьера пробежал лучик терпимости.

– Приятно сознавать, что если я выживу, трудоустройство мне будет обеспечено.

– Еще бы, – проговорила возмущенная брюнетка. – После таких-то жертв!

– А что думают об этом твои родители? – поинтересовалась Валери.

– Моя мама согласна, – сказал Жан-Пьер. Она, разумеется, одобрила, ведь она любила героя. Жан-Пьер мог представить себе, что сказал бы отец о юных врачах-идеалистах, отправляющихся помогать афганским мятежникам. «Социализм это вовсе не значит, что каждый может делать то, что ему захочется! – сказал бы отец своим жестким и грубоватым голосом с легким румянцем на щеках. – Как думаешь, что представляют собой эти мятежники? Это бан-

диты, которые устраивают охоту на законопослушных крестьян. До наступления социализма необходимо покончить с феодальными институтами, – он стукнул бы по столу своим огромным кулаком. – Чтобы приготовить суфле, надо разбить яйца – чтобы построить социализм, надо, чтобы полетели головы!». Не беспокойся, папа, все это мне известно.

– Мой отец умер, – сказал Жан-Пьер. – Но он сам был борцом за свободу. Во время войны он сражался в рядах Сопротивления.

– И чем он занимался? – скептически поинтересовался рентгенолог. Но Жан-Пьер не стал отвечать на этот вопрос, ибо увидел, как через всю столовую, изнывая от жары в своем воскресном костюме, к нему направлялся редактор газеты «Ля Револьте» Рауль Клерман. Какого черта этот жирный журналист слоняется по больничной столовой?

– Мне надо с тобой кое о чем поговорить, – с места в карьер выпалил запыхавшийся Рауль.

Жан-Пьер жестом показал на стул.

– Рауль…

– Это очень срочно, – начал Рауль, словно ему было все равно – рассыпались сидевшие за столом его имя или нет.

– Ты не хотел бы разделить с нами ленч? Тогда можно было бы спокойно обо всем поговорить.

– Очень жаль, но я не могу.

Жан-Пьер уловил паническую нотку в голосе толстяка. Заглянув в его глаза, он почувствовал мольбу кончать с этим бездарным прожиганием времени. Удивленный Жан-Пьер поднялся со стула.

– О'кей, – бросил Жан-Пьер.

Чтобы сгладить впечатление от внезапности происшедшего, он сказал игриво сидевшим с ним рядом:

– Не дотрагивайтесь до моей еды. Я сейчас вернусь.

Он взял Рауля за руку, и они вместе вышли из столовой.

Жан-Пьер хотел остановиться и поговорить за дверью, но Рауль все шел и шел по коридору.

– Меня послал сюда господин Леблон, – пояснил он.

– Я уже думал, что он стоит за всем этим, – проговорил Жан-Пьер.

Месяц назад Рауль устроил встречу с Леблоном, предложившим ему отправиться в Афганистан, формально по примеру многих молодых врачей для оказания помощи мятежникам, а фактически для шпионажа в пользу русских. Жан-Пьер переполнялся гордостью, вместе с тем на душе его было тревожно и трепетно от представившейся возможности совершить какой-нибудь яркий поступок в интересах дела. Он опасался только одного, что организации, направлявшие врачей в Афганистан, откажут ему из-за его принадлежности к коммунистической партии. Им трудно будет выяснить, является ли он действительно членом партии, а он, разумеется, не скажет им об этом, но им наверняка известно, что он сочувствует коммунистам. Тем не менее, очень многие французские коммунисты выступили против вторжения в Афганистан. Между тем, теоретически существовала вероятность того, что какая-нибудь осторожная организация предложит Жан-Пьеру более надежное сотрудничество с какой-либо иной группировкой борцов за свободу – например, отправляющей людей для оказания помощи мятежникам в Сальвадоре. В итоге ничего не получилось, и Жан-Пьера немедленно привлекла к себе организация «Врачи за свободу». Он сообщил Раулю добрую весть, а тот заметил, что состоится еще одна встреча с Леблоном. Возможно, речь пойдет об этом. Только к чему паника?

– Он хочет видеть тебя сейчас.

— Сейчас? — спросил раздраженно Жан-Пьер. — У меня сейчас дежурство. У меня больные.

— Кто-нибудь наверняка о них позаботится.

— Но к чему такая спешка? В ближайшие два месяца я все равно никуда не поеду.

— Речь идет не об Афганистане.

— Тогда о чем же еще?

— Я не знаю.

— В таком случае почему в твоих глазах столько страха? — поинтересовался Жан-Пьер. — Какие-нибудь предчувствия?

— Мне известно, что арестован Рахми Коскун.

— Турецкий студент?

— Да.

— За что?

— Я не знаю.

— А какое это имеет отношение ко мне? Я с ним почти не знаком.

— Господин Леблон все разъяснит.

Жан-Пьер вскинул руки.

— Я не могу все здесь бросить и уйти.

— Что бы случилось, если бы ты заболел? — спросил Рауль.

— Я бы сказал об этом дежурной сестре, а она вызвала бы замену. Но...

— Ну, так позвони ей.

Они подошли к входу в больницу, где на стене был установлен целый ряд внутренних телефонов.

«Это может быть своего рода тест, — подумал Жан-Пьер, — тест на верность, чтобы проверить, достаточно ли я серьезен, чтобы выполнить это поручение». Он решил испытать гнев больничного начальства и снял телефонную трубку.

— Я вынужден отлучиться из-за непредвиденных семейных обстоятельств, — сказал он в трубку. — Немедленно свяжитесь с доктором Рошем.

— Слушаю, доктор, — спокойно ответила сестра. — Надеюсь, вас миновали печальные известия.

— Расскажу вам об этом позже, — проговорил он торопливо. — До свидания. О, минутку. — У него была одна послеоперационная больная, у которой ночью было обильное кровотечение. — Как чувствует себя мадам Ферье?

— Хорошо. Кровотечение прекратилось.

— Ясно. Наблюдайте за нею!

— Да, доктор.

Жан-Пьер повесил трубку.

— Все в порядке, — сказал он Раулю. — Пошли.

Они направились на автомобильную стоянку и сели в принадлежащий Раулю «Рено-5». От полуденного солнца в машине стало жарко. Рауль быстро ехал по каким-то закоулкам. Жан-Пьер нервничал, потому что точно не знал, кто такой Леблон. Он считал, что Леблон имеет отношение к КГБ. Сам Жан-Пьер размышлял о том, не сделал ли он чего-нибудь плохого для этой организации, внушавшей всеобщий страх. А если он был в чем-то виноват, то каким наказанием это для него обернется.

Ясное дело, что насчет Джейн они ничего разузнать не смогут.

То, что он предложил ей отправиться вместе с ним в Афганистан, касалось только их двоих и больше никого. В партии наверняка найдутся другие, к примеру, какая-нибудь медсестра, которая не откажется помочь Жан-Пьеру на месте, или врачи, отправляющиеся в различные районы страны. Почему бы Джейн не быть среди них? Правда, Джейн не медсестра, но она

могла бы пройти курсы по укороченной программе. Ее преимущество перед другими заключалось в том, что она немного говорит на фарси, варианте персидского языка в том районе, куда собирался ехать Жан-Пьер.

Он надеялся, что Джейн поедет с ним из идеалистических соображений, а также из жажды приключений. Он надеялся, что пока будет в Афганистане, она забудет Эллиса и влюбится в ближайшего рядом с ней европейца, которым, разумеется, окажется Жан-Пьер.

Кроме того, он рассчитывал, что партия никогда не узнает, что он побудил ее поехать из личных соображений. «Незачем им это знать, да и едва ли это можно разузнать», — думал он. А может, он заблуждался или они держали зло на него.

Все это глупости, — размышлял Жан-Пьер про себя. — Я действительно ничего плохого не сделал, но даже если и сделал, никакого наказания за это не будет. Таков настоящий облик КГБ. Это вовсе не мифическая организация, внушающая страх подписчикам журнала «Ридерс дайджест».

Рауль припарковал машину около роскошного многоквартирного дома на Университетской улице. Это было то самое место, где Жан-Пьер встречался с Леблоном в последний раз. Они вышли из машины и вошли в дом.

В холле царил полумрак. Они поднялись по изогнутой лестнице на первый этаж и позвонили в дверь. «Как много изменилось в моей жизни, — подумал Жан-Пьер, — с того момента, когда я в последний раз стоял в ожидании у этой двери».

Дверь открыл господин Леблон. Это был невысокого роста, худощавый, лысеющий мужчина в очках. В своем темно-сером костюме и серебристом галстуке он выглядел, как дворецкий. Он отвел их в комнату, расположенную в тыльной части здания, где состоялась первая беседа с Жан-Пьером. Высокие окна и утонченный дизайн свидетельствовали о том, что когда-то это была элегантная гостиная. Сейчас на нейлоновом паласе стояли дешевый письменный стол и несколько оранжевых пластмассовых кресел.

— Немного подождите здесь, — сказал Леблон. Его голос был тихий, глухой и сухой, как пыль. Легкий акцент говорил о том, что Леблон не было его настоящим именем. Он вышел через другую дверь.

Жан-Пьер опустился на одно из пластмассовых кресел. Рауль продолжал стоять. В этой комнате, — подумал Жан-Пьер, — тот самый скрипучий голос сказал мне: «Вы с детства были абсолютно лояльным членом партии. Ваш характер и ваше семейное положение позволяют рассчитывать, что вы будете полезны партии и втайной роли».

«Надеюсь, что ничего не испортил из-за Джейн», — подумалось Жан-Пьеру.

Леблон вернулся в сопровождении какого-то мужчины. Оба остановились в дверях, и Леблон указал жестом на Жан-Пьера. Второй уперся взглядом в Жан-Пьера, словно желая запечатлеть в памяти его лицо. Жан-Пьер ответил таким же взглядом. Мужчина был очень крупным, с широченными плечами, как у футболиста. Волосы были длинные, но редкие на макушке. Усы смотрели уныло в пол. На нем был вельветовый зеленый пиджак, с разрезом на рукаве. Мгновение спустя он кивнул и вышел из комнаты.

Леблон закрыл за ним дверь и сел за стол.

— Случилась беда, — проговорил он.

«Это не связано с Джейн, — подумал Жан-Пьер. — Слава Богу».

— В кругу наших друзей оказался агент ЦРУ, — произнес Леблон.

— Боже милостивый! — сказал Жан-Пьер.

— Но не в этом беда, — раздраженно добавил Леблон. — Едва ли стоит удивляться тому, что в круг наших друзей просочился американский шпион. Без сомнения, внедрились еще израильские, южно-африканские и французские агенты. Чем бы пришлось заниматься этим людям, если бы они не проникли в группировки юных политических активистов? У нас, разумеется, тоже есть свой агент.

– Кто это?

– Вы.

– Ого! – Жан-Пьер оторопел, откровенно говоря, он никогда не воспринимал себя как шпиона. Но что еще означала фраза: быть полезным партии в тайной роли? – И кто же этот агент ЦРУ? – спросил он, испытывая нарастающее любопытство.

– Некто по имени Эллис Тейлер.

Эти слова настолько потрясли Жан-Пьера, что он вскочил с кресла.

– Эллис?

– Вы с ним знакомы? Это хорошо.

– Эллис – агент ЦРУ?

– Сядьте, – решительно проговорил Леблон. – Нас занимает не то, кто он такой, а что он предпринял.

Жан-Пьер задумался, если Джейн все узнает, она отбросит Эллиса от себя, как горячую картофелину. Заставят ли меня все ей рассказать? Если нет, дойдет ли она до истины самостоятельно? Поверит ли в это? Станет ли Эллис это отрицать?

Леблон продолжал говорить. Жан-Пьер заставлял себя сосредоточиться на сказанном.

– Беда в том, что Эллис устроил засаду, в которую попался достаточно важный для нас человек.

Жан-Пьер вспомнил слова Рауля о том, что Рахми арестован.

– Рахми важен для нас?

– Да не Рахми.

– А кто?

– Зачем вам это знать?

– Тогда зачем вы привезли меня сюда?

– Молчите и слушайте, – резко оборвал его Леблон. Жан-Пьер впервые испытал страх перед собеседником. – Я, разумеется, никогда прежде не встречался с вашим другом Эллисом. К сожалению, Рауль тоже не знаком с ним. Поэтому ни один из нас не знает, как он выглядит. Только вам это известно. Вот почему вас привезли сюда. Кроме того, вы, наверное, знаете, где живет Эллис?

– Да. Он занимает комнату над рестораном на улице Древней комедии.

– Его комната выходит на улицу?

Жан-Пьер нахмурился. Там он был однажды, Эллис не любил приглашать людей домой.

– Думаю, что да.

– Вы в этом не уверены?

– Дайте мне подумать. – Он был там как-то поздно вечером с Джейн и компанией других людей, возвращаясь из кинотеатра в Сорbonне. Эллис угостил их кофе. Это была небольшая комната. Джейн сидела прямо на полу у окна. – Да. Окно с видом на улицу. Почему это так важно?

– Это значит, что вы сможете дать сигнал.

– Я? Зачем? Кому?

Леблон измерил его угрожающим взглядом.

– Прошу прощения, – проговорил Жан-Пьер.

Леблон сделал паузу. Когда он снова заговорил, его голос зазвучал чуточку мягче, хотя интонация оставалась такой же невыразительной.

– Вы проходите крещение огнем. Я сожалею, что вынужден привлекать вас к... подобной операции... при том, что вы еще ничего не сделали для нас. Но вы знакомы с Эллисом, и вы здесь, а в данный момент у нас нет больше никого, кто бы знал его. То, что мы намерены осуществить, утратит свой смысл, если это не произойдет немедленно. Поэтому слушайте внимательно, ибо это важно. Вам придется зайти в его комнату. Если он там, вы войдете под каким-

нибудь предлогом. Решайте сами, под каким. Подойдя к подоконнику, вам надо будет высунуться из окна – знак того, что Эллис в комнате. Поэтому, что бы вы ни сделали, не приближайтесь к окну, если его там нет. Вам все понятно?

– Мне понятно, что вы от меня хотите, – проговорил Жан-Пьер. – Мне неясно только, для чего все это?

– Чтобы удостовериться в личности Эллиса.

– А когда я удостоверю, что это он?

Леблон дал Жан-Пьеру такой ответ, на который он даже не смел надеяться и который потряс его до глубины души: «Ясное дело, мы собираемся его убить».

Глава 3

Джейн расстелила белую скатерть в пятнах на крохотном столике Эллиса, выложив два набора старых ножей. Она нашла бутылку Флёри в шкафу под раковиной и открыла ее. Ей страшно хотелось попробовать, но потом она решила дождаться Эллиса. Джейн поставила бокалы, соль и перец, горчицу и бумажные салфетки. Она уже хотела начать готовить ужин, но потом решила, пусть этим займется сам Эллис.

Ей не нравилась комната Эллиса. Она казалась голой, тесной и безликой. Джейн просто оторопела, когда впервые оказалась здесь. Она назначала свидания этому сердечному, мягкому зреющему мужчине и надеялась, что его жилье отражает его натуре, что его привлекательная удобная квартира содержит черты насыщенного опытом прошлого. Однако, глядя на его кров, никак не скажешь, что здесь живет человек, который был ранее женат, участвовал в войне, принимал ЛСД, возглавлял в своей школе футбольную команду. Холодные белые стены были украшены торопливо подобранными плакатами. Фарфор попал сюда из мелочных лавок, а кастрюли для варки пищи представляли собой дешевую оловянную утварь. На бумажных обложках стихотворных сборников, стоявших на книжной полке, отсутствовали названия. Свои джинсы и свитера он хранил в небольшом пластмассовом чемодане под скрипучей кроватью. Куда подевались его старые школьные сочинения, фотографии племянников и племянниц, драгоценная копия «Гостиницы разочарования», его перочинный ножик в память о посещении Булони или Ниагарского водопада, салатница, которую каждый раньше или позже получает в подарок от своих родителей? В комнате не было ничего действительно важного, ни одной вещи, которые хранят не во имя их функционального назначения, а в память того, что они символизируют, будучи частичкой души их владельца.

Это была комната замкнутого и скрытного человека, который ни за что не поделится с кем-либо своими сокровенными мыслями. Постепенно, с ощущением жуткой печали, Джейн пришла к осознанию того, что по характеру Эллис напоминает свою комнату, холодную и замкнутую.

Просто невероятно. Какой Эллис был самонадеянный. Он ходил с высокой поднятой головой, словно никогда в своей жизни никого не боялся. В постели он чувствовал себя полностью раскрепощенным, абсолютно свободным в проявлении своей сексуальности. Он мог все, что угодно, делать, не испытывая при этом беспокойства, колебания или стыда. Джейн никогда не приходилось прежде общаться с таким человеком. Однако весьма часто – в постели, в ресторане или просто во время прогулки по улице – когда Джейн смеялась вместе с ним или слушала его рассказ, или разглядывала морщинки вокруг глаз, или в минуты его серьезных размышлений, или когда прикасалась к его теплому телу, – она ощущала, что он вдруг как бы отключался. В такие минуты «отключки» он больше не любил ее и не развлекал, переставал быть к ней внимательным и предупредительным, забывал о джентльменстве и сострадании. В такие мгновения Джейн ощущала себя брошенной и откровенно чужой, вторгающейся в его тайный мир. Ей казалось, будто солнце скрывается за облако.

Джейн понимала, что ей неизбежно придется с ним расстаться. Она любила его до безумия, но он, судя по всему, не мог ответить ей тем же. Эллису было тридцать три года, и если он до сих пор не постиг искусства сердечности, ему уже не постичь этого никогда.

Сидя на диване, Джейн стала читать «Обсервер», который купила в международном киоске на бульваре Распай по пути сюда. На первой полосе была напечатана статья о событиях в Афганистане, изложение которых убеждало ее в том, что именно туда надо ехать, чтобы забыть Эллиса. Эта идея сразу завладела ею. Хотя Джейн любила Париж, и ее работа по крайней мере не была однообразной, ей требовалось нечто большее: опыт, приключения и возможность ощутить себя причастной к борьбе за свободу. Ей неведомо было чувство страха. Жан-

Пьер сказал, что врачей слишком высоко ценят, чтобы посыпать в зону военных действий. Но всегда была опасность, что тебя настигнет шальная пуля или убьют в перестрелке. И все же, наверное, риск смерти был не больше, чем в Париже, где можно было запросто попасть под машину. В Джейн все больше пробуждался интерес к образу жизни афганских мятежников.

— Чем они там питаются? — спросила она однажды Жан-Пьера. — Во что они одеваются? Они живут в палатках? У них есть туалеты?

— Туалетов у них нет, — ответил он. — Нет электричества. Нет дорог. Нет вина. Нет автомобилей. Нет центрального отопления. Нет дантистов. Нет почтальонов. Нет телефона. Нет ресторанов. Нет объявлений. Нет Кока-колы. Нет прогнозов погоды. Нет биржевых фундовых биржи. Нет архитекторов-декораторов. Нет моды. Нет званых обедов. Нет стоянок такси. Нет очередей в автобус...

— Стоп! — проговорила Джейн, прерывая его, он мог продолжать эти разговоры часами. — У них должны быть и автобусы, и такси.

— Да. Но не в сельской местности. Я собираюсь поехать в район, который называется Долина Пяти Львов — оплот мятежников в предгорье Гималаев. Там был первобытный строй еще до того, как русские подвергли их бомбежке.

Джейн нисколько не сомневалась, что будет там счастлива без водопровода, губной помады и прогнозов погоды. У нее было предчувствие, что он недооценивает опасность даже вне зоны военных действий. Так или иначе, он не удерживал ее. У ее матери наверняка случилась бы истерика. А ее отец, если бы он был жив, сказал бы: «Желаю удачи, Джейн!» Жан-Пьер понимал важность совершения чего-то полезного в жизни. Хотя он считался хорошим врачом, ему так и не удалось скопить денег, ибо где бы он ни жил — в Нассау, Каире, Сингапуре и главным образом в Родезии — он всегда лечил бедных бесплатно, из-за чего те приходили к нему толпами. А состоятельным клиентам Жан-Пьер неизменно отказывал.

В ее мысли ворвался шум шагов по лестнице. Джейн вспомнила, что успела прочесть лишь несколько газетных строчек. Она подняла голову и прислушалась. Шаги Эллиса звучали по-другому. Тем не менее, раздался легкий стук в дверь.

Джейн отложила газету и открыла дверь. Перед нею стоял Жан-Пьер. Он был так же поражен, как и она. Какое-то время они молча пристально смотрели друг на друга.

— У тебя такой вид, будто ты в чем-то виноват. А у меня?

— Да, — сказал он и ухмыльнулся.

— Я как раз думала о тебе. Входи.

Он переступил порог и огляделся.

— Эллиса дома нет?

— Он скоро будет. Садись.

Жан-Пьер опустил свое длинное тело на диван. Уже не в первый раз Джейн ловила себя на мысли о том, что он был, наверное, самым привлекательным мужчиной, который встретился ей в жизни. Его лицо было красивой правильной формы, с высоким лбом, крепким, ярко выраженным аристократическим носом, светлыми, подернутыми влагой, карими глазами, с чувственным ртом, который частично растворялся в окладистой темно-коричневой бороде с редкими рыжеватыми проблесками в усах. Он предпочитал дешевые, но тщательно подобранные вещи, причем носил их с небрежной элегантностью, вызывавшей зависть даже у Джейн.

Она испытывала к нему большую симпатию. Его огромная ошибка заключалась в том, что он был о себе слишком уж высокого мнения. Но при этом он был обезоруживающе наивным, как хвастливый ребенок. Ей нравился его идеализм и его преданность медицине. Жан-Пьер обладал колоссальным шармом. Кроме того, он отличался маниакальным воображением, которое иногда принимало весьма забавные формы, под влиянием некоторой абсурдности, а порой и соскользнувшего с языка словечка он мог разразиться причудливым монологом, продолжавшемся десять — пятнадцать минут. Когда кто-то напомнил ему замечание Жан-Поля

Сартра о футболе, Жан-Пьер дал стихийный комментарий футбольному матчу словно устами философа-экзистенциалиста. Джейн хотела до слез. Говорили, что его веселость иногда обворачивается своей противоположностью – наступлением мрачной депрессии. Однако Джейн никогда не была свидетельницей подобного превращения.

– Выпей вина, у Эллиса тут есть кое-что, – сказала Джейн.

– Нет, спасибо.

– Ты уже репетируешь, готовишься к жизни в мусульманской стране?

– Не очень.

В его взгляде засветилась какая-то торжественность.

– В чем дело? – спросила она.

– Мне нужно серьезно поговорить с тобой, – проговорил он.

– Ты разве не помнишь, мы уже беседовали три дня тому назад? – резко бросила Джейн. – Ты предложил мне бросить моего возлюбленного и отправиться с тобой в Афганистан. Немногие девушки устояли бы перед таким искушением.

– Прошу тебя, будь серьезней.

– Ладно. Я для себя еще не решила.

– Джейн! Я сделал страшное открытие в отношении Эллиса.

Она измерила его пристальным взглядом. Что там еще за сюрприз? Придумает какую-нибудь историю, нафантазирует, чтобы убедить ее отправиться вместе с ним? Скорее всего, ни то, ни другое.

– Ну так что же?

– Он не тот, за кого себя выдает, – проговорил Жан-Пьер, весь облик которого окрасился драматизмом. – Эллис вовсе не нищий поэт. Он работает на американское правительство.

Джейн нахмурилась.

– На американское правительство? – Прежде всего Джейн подумала, что у Жан-Пьера все смешалось в голове. – Он дает уроки английского языка французам, работающим на американское правительство.

– Я имею в виду другое. Он шпионит за группировками радикалов. Он – агент. Работает на ЦРУ.

Джейн рассмеялась.

– Ну, это уж полный абсурд! Не считаешь ли ты, что, рассказывая все это, тебе удастся заставить меня бросить его?

– Это правда, Джейн.

– Это не правда. Эллис не мог быть шпионом. Уж я-то, наверное, знала бы. Я ведь прожила с ним фактически целый год.

– Однако этого не было, не так ли?

– Какое это имеет значение? Я его знаю. – Даже говоря, Джейн не переставала думать, это многое могло объяснить. Она действительно не знала Эллиса. Но она достаточно хорошо знала его, чтобы быть уверенной в том, что он не подлый, не низкий, не коварный и не гнусный злодей.

– Об этом уже известно в городе, – сказал Жан-Пьер. – Сегодня утром арестован Рахми Коскун, и все говорят, что виноват в этом Эллис.

– Почему был арестован Рахми?

Жан-Пьер повел плечами.

– Сомнения нет. Подрывные действия. Так или иначе, Рауль Клермон носится по городу в поисках Эллиса, а кто-то требует мщения.

– О, Жан-Пьер, это смешно, – проговорила Джейн. Вдруг ей стало очень жарко. Она подошла к окну и распахнула его. Пока Джейн разглядывала улицу через окно, перед нею, в дверях подъезда, появилась белокурая голова Эллиса. – Ну вот, – сказала она Жан-Пьеру, –

сейчас он будет здесь. Теперь в его присутствии ты сможешь повторить свою смешную историю. – До ее слуха с лестницы донеслись шаги Эллиса.

– Да, конечно, – ответил Жан-Пьер. – Для чего, ты думаешь, я здесь? Я пришел предупредить, что его ищут.

Джейн стало ясно, что Жан-Пьер действительно искренен, он на самом деле верил в то, о чем рассказывал. Ну что ж, Эллис быстро снимет все сомнения.

Открылась дверь, и вошел Эллис.

Он выглядел счастливым, словно душа его сияла от добрых вестей. Когда она увидела его круглое улыбающееся лицо со сломанным носом и проницательными голубыми глазами, ее сердце учащенно забилось, Джейн чувствовала себя виноватой, ибо могло возникнуть впечатление, что она флиртовала с Жан-Пьером.

Остановившись в дверях, Эллис с удивлением воспринял присутствие Жан-Пьера. Его улыбка чуточку поблекла.

– Хелло, оба, – проговорил он.

По привычке Эллис закрыл за собой дверь и запер ее на ключ. Джейн всегда считала это эксцентризмом, но сейчас ей показалось, что так поступил бы именно шпион. Она отогнала от себя эту мысль. Первым заговорил Жан-Пьер.

– Они тебя раскусили, Эллис. Они все знают. Они идут по твоему следу.

Джейн переводила взгляд с Эллиса на Жан-Пьера, который превосходил Эллиса ростом, у Эллиса же были широкие плечи и впалая грудь. Они стояли, глядя друг на друга, как две кошки, оценивающие взаимные намерения.

Джейн положила руки на плечи Эллису, виновато поцеловала его и сказала:

– Жан-Пьеру наговорили глупостей о том, что ты шпионишь на ЦРУ.

Высунувшись из окна, Жан-Пьер стал разглядывать улицу. Потом Жан-Пьер повернулся к нему лицом:

– Ну так скажи ей, Эллис.

– Откуда ты это взял? – спросил Эллис Жан-Пьера.

– Об этом весь город говорит.

– От кого именно ты это слышал? – спросил Эллис суровым голосом.

– От Рауля Клермона.

Эллис кивнул. Перейдя на английский, он сказал:

– Джейн, сядь, пожалуйста.

– Я не хочу садиться, – бросила она с раздражением в голосе.

– Мне надо тебе кое-что сообщить, – сказал Эллис.

Этого не может быть, не может. Джейн почувствовала, что паническое состояние сжало ее горло.

– Тогда скажи мне, – воскликнула она, – и перестань просить меня сесть!

Эллис измерил Жан-Пьера взглядом.

– Может, ты оставишь нас вдвоем? – проговорил он по-французски.

В душе Джейн стал закипать гнев.

– Что ты собираешься мне рассказать? Почему бы тебе просто не сказать, что Жан-Пьер не прав? Так скажи мне, Эллис, что ты не шпион до того, как я сойду с ума!

– Все это не так просто, – ответил Эллис.

– Это просто! – Джейн не могла больше сдерживать истерику, вырывавшуюся из ее голосовых связок. – Он утверждает, что ты шпион, что ты работаешь на американское правительство и что ты лгал мне постоянно, бессовестно и подло с того самого момента, когда познакомился со мной. Это правда? Это правда или нет? Ну?

Эллис тяжело вздохнул.

– Думаю, что да.

Джейн почувствовала, что она вот-вот взорвется.

– Ты мерзавец! – пронзительно вскрикнула она. – Гнусный мерзавец!

Лицо Эллиса окаменело.

– Я как раз собирался обо всем рассказать тебе сегодня, – проговорил он.

Тут раздался стук в дверь. Оба никак не отреагировали на это.

– Ты шпионил за мной и за всеми моими друзьями! – крикнула Джейн пронзительным голосом. – Мне так стыдно!

– Моя работа здесь завершена, – ответил Эллис. – Мне больше не придется тебе лгать.

– У тебя не будет возможности. Я не захочу больше видеть тебя.

Стук в дверь повторился, и Жан-Пьер сказал по-французски:

– За дверью кто-то стоит.

– Ты ведь не думаешь, что не хочешь больше видеть меня, – проговорил Эллис.

– Ты просто не понимаешь, как ты со мной обошелся, так ведь? – сказала она.

– Открой ты эту чертову дверь, Бога ради! – воскликнул Жан-Пьер.

– Боже милостивый! – шептала Джейн, приближаясь к двери. Она повернула ключ в замочной скважине и открыла дверь. Там стоял огромный широкоплечий мужчина в зеленом вельветовом пиджаке с разрезом на рукаве. Джейн никогда не видела его прежде.

– Что вам нужно, черт побери? – проговорила она, после чего увидела у него в руках пистолет.

Последующие несколько секунд тянулись, видимо, очень медленно. Джейн мгновенно сообразила, если Жан-Пьер прав, утверждая, что Эллис – шпион, он, наверное, прав и насчет того, что кто-то будет мстить, и что в мире, и котором тайно обитал Эллис, «мщение» действительно могло означать стук в дверь и появление человека с пистолетом в руках.

Она уже раскрыла рот, чтобы закричать.

Мужчина на мгновение заколебался. Он, видимо, никак не ожидал столкнуться с женщиной. Он переводил взгляд с Джейн на Жан-Пьера. Но его смущило то, что не видно было Эллиса, который находился за полуоткрытой дверью.

Вместо того, чтобы закричать, Джейн попробовала захлопнуть дверь. Когда Джейн толкнула дверь в сторону вооруженного бандита, тот понял, что она хочет, и просунул ногу, не давая ей захлопнуться. Дверь стукнулась о его ботинок и отскочила назад. Но, делая шаг вперед, бандит для равновесия развел руки и теперь его револьвер был направлен в угол потолка.

«Он собирается убить Эллиса, – подумала Джейн. – Он собирается убить его».

Она бросилась на бандита, пытаясь ударить его в лицо своими кулачками. Хотя она не видела Эллиса, ей вдруг не захотелось его смерти.

Замешательство бандита длилось доли секунды. Одной своей сильной рукой он отшвырнул Джейн в сторону. Она упала на пол, оказавшись в сидячем положении и отделавшись при этом ушибом спины. Все происшедшее потом развивалось с ужасающей однозначностью.

Рука, которая отшвырнула ее в сторону, теперь уже широко распахнула дверь. Пока бандит размахивал револьвером в другой руке, Эллис приблизился к нему с бутылкой вина и занес ее над его головой. Когда бутылка опустилась на голову бандита, раздался выстрел, совпавший со звоном разбитого стекла.

Джейн в страхе уставилась на обоих.

Потом бандит с револьвером рухнул на пол, а Эллис продолжал стоять, как ни в чем не бывало. Джейн стало ясно, что бандит промахнулся.

Эллис нагнулся и забрал револьвер из рук бандита.

Джейн не без труда встала на ноги.

– Все в порядке? – спросил ее Эллис.

– Жива, – ответила она.

Он повернулся к Жан-Пьеру.

— Сколько их там на улице?

— Нет никого, — сказал Жан-Пьер, высунувшись из окна.

Эллис удивился.

— Наверное, спрятались. — Он сунул револьвер в карман и подошел к книжному шкафу. — Отойди, — сказал он и швырнул револьвер на пол.

Сзади была дверь.

Эллис открыл ее. Он внимательно посмотрел на Джейн, словно собрался ей что-то сказать, но не мог подобрать нужных слов. Потом он шагнул через порог и ушел.

Мгновение спустя Джейн медленно приблизилась к потайной двери и выглянула. Там была еще одна студийная квартира, почти пустая и жутко пыльная, словно никто не появлялся в ней в течение целого года. Джейн увидела открытую дверь, а за ней лестницу.

Она вернулась в комнату Эллиса. Бандит бездыханный лежал на полу в луже вина. Он пытался убить Эллиса, прямо здесь, в этой комнате, все уже казалось нереальным. Да и вообще все представлялось ей нереальным, что Эллис шпион, что Жан-Пьеру об этом известно, что Рахми арестован, да еще этот тайный путь для бегства Эллиса.

Он ушел.

— Я никогда больше не хочу тебя видеть, — сказала она ему всего несколько секунд назад. Казалось, что ее желание сбудется.

С лестницы до нее донесся стук шагов.

Джейн отвела взгляд от бандита и посмотрела на Жан-Пьера. Казалось, что и его все происшедшее потрясло. Мгновение спустя он сделал несколько шагов по комнате и обнял ее. Джейн прижалась к его плечу и разрыдалась.

Часть вторая 1982 год

Глава 4

Река сбегала от границы льда, холодная, чистая и всегда бурная. Она наполняла долину шумом, потому что неслась по оврагам, мимо полей пшеницы, в неудержимом стремлении к далеким низинам. Почти уже год этот звук стоял у Джейн в ушах, иногда оглушительно громко, когда она шла купаться или когда по извилистым скальным тропам пробиралась между горными селеньями, а иногда приглушенно, мягко, как сейчас, когда со склона горы река Пяти Львов казалась ей всего лишь отдаленно мерцающим глухим потоком. Когда Джейн уходила из долины, царившая вокруг тишина раздражала ее, как горожан, отправляющихся на отдых за город, которые не могут заснуть из-за окружающей тишины. Прислушавшись, она уловила какие-то новые звуки и поняла, они напоминают то, что она уже не раз слышала раньше. В симфонию звуков речного потока вплетался баритональный шум винтового самолета.

Джейн открыла глаза. Это был напоминавший хищника тихоходный разведывательный самолет конструкции Антонова, ровное гудение которого было, как правило, предвестником появления более шумного и быстрого бомбардировщика. Джейн поднялась и с тревогой посмотрела в долину. Она устроилась в своем тайном укрытии, представлявшем собой широкий плоский выступ скалы. Сверху нависавшая скала загораживала Джейн от чужих глаз, но не препятствовала проникновению солнечных лучей. Сюда рискнул бы забраться разве что опытный альпинист. Снизу доступ к ее укрытию был крутым и каменистым, лишенным всякой растительности, никто не смог бы подползти к ней незаметно и бесшумно. Впрочем, приближаться к ней не было особой необходимости. Это местечко Джейн облюбовала после того, как однажды сбилась с пути и заблудилась. Ей важно было иметь возможность уединиться, потому что здесь она могла сбросить с себя одежду и лежать на солнце. Дело в том, что афганцы были целомудренны, как монахи, если бы ее увидели обнаженной, ее наверняка бы линчевали.

Справа от нее пыльный склон резко обрывался вниз. У подножия горы, отлого сбегавшей к реке, расположилось селение Бэнда – пятьдесят или шестьдесят домов, прилепившихся к кочку неровной каменистой земли, которая не поддавалась обработке. Дома были из серого камня и глиняного кирпича, с плоской крышей из прессованной земли, уложенной на маты. Рядом с крохотной мечетью бросалась в глаза группа разрушенных домов – это пару месяцев назад русский бомбардировщик нанес прямой удар. Селение было видно, как на ладони, хотя, чтобы добраться до него отсюда, требовалось минут двадцать. Джейн обвела взглядом крыши, окруженные стенами внутренние дворы и глиняные пешеходные дорожки, ожидая увидеть бездомных детей, но к счастью, их не оказалось. Под жарким голубым небом Бэнда выглядела покинутой.

Слева от нее долина раздавалась вширь. Маленькие каменистые площадки были испещрены воронками от бомб. На более низких склонах горы рухнули стены древних террас. Поспела пшеница, только не видно было жнецов.

В стороне от полей, у подножия скалы, образующей дальнюю границу долины, протекала река Пяти Львов, глубокая в одних местах, мелкая в других, то широкая, то узкая, но всегда бурная и каменистая. Внимательный взгляд Джейн скользил по реке. Не было видно ни купающихся женщин, ни женщин, стирающих белье, ни играющих на мелководье детей, ни мужчин, которые переходили бы брод с лошадьми и ослами.

Джейн подумывала о том, чтобы одеться и покинуть свое укрытие, чтобы забраться еще дальше в горы, спрятавшись в пещере. Именно там находились жители деревни, мужчины спали после ночной работы на полях, женщины готовили пищу, стараясь не отпускать от себя детей, коровы были в загонах, козы паслись на привязи, собаки дрались из-за каких-то объедков. Видимо, Джейн чувствовала себя здесь в полной безопасности, потому что русские бомбили селения, а не голые склоны горы. Однако сюда в любой момент могла залететь шальная бомба, так что пещера защищала ее от всего, но только не от прямого попадания.

Она еще не решила, как ей поступить, когда до ее слуха донесся рев реактивных самолетов. Прищурившись, она подняла глаза, чтобы разглядеть их. Сопровождавший их появление рев заполнил долину, пролетая над Джейн, самолеты разметали по сторонам бурно текущий поток. Устремляясь в северо-восточном направлении на большой высоте, они уже начали снижаться. Один, два, три, четыре серебристых убийцы – вершина человеческого технического гения, направленного на то, чтобы искалечить неграмотных крестьян, разрушить сложенные из глиняного кирпича дома, после чего со скоростью семисот миль в час вернуться на базу.

Через минуту их уже не было видно. Сегодня они пощадили Бэнду. Джейн медленно приходила в себя. Реактивные самолеты внушали ей ужас. Прошлым летом Бэнда полностью избежала бомбардировок, а зимой вся долина получила передышку. Но этой весной все возобновилось с новой силой. Селение несколько раз бомбили, однажды досталось его центральной части. С того раза Джейн возненавидела реактивные самолеты.

Жители селения отличались удивительным мужеством. Каждая семья устроила себе второе жилье в пещерах. Каждое утро они карабкались по склону горы, чтобы провести там весь день, возвращаясь в сумерки, так как по ночам бомбардировок не было.

Поскольку работать в поле днем было небезопасно, мужчины работали ночью, главным образом пожилые, потому что молодые по большей части отсутствовали, занятые тем, что собирали русских в южной части долины или чуть в стороне. Этим летом бомбардировки были более ожесточенными, чем когда-либо за все годы повстанческих действий. Так рассказывали Жан-Пьеру партизаны. Если в других частях страны афганцы были такими же, как в этой долине, то они вполне могут ко всему приспособиться и выжить. Жители спасали свои скромные ценности из-под развалин после бомбардировок, без устали пересаживали истерзанный бомбами огород, выхаживали раненых, хоронили убитых и отправляли своих подростков в распоряжение командиров партизанских отрядов. Джейн считала, что русским никогда не удастся одолеть этих людей, даже ценой превращения всей страны в радиоактивную пустыню.

Другой вопрос – смогут ли мятежники когда-нибудь одолеть русских. Афганцам было не занимать смелости и неудержимости. Они держали под своим контролем сельские районы, однако соперничающие племена почти так же ненавидели друг друга, как и оккупантов, а их ружья были бессильны против реактивных бомбардировщиков и вооруженных вертолетов.

Джейн отгоняла от себя мысли о войне. Стоял зной, наступало время сна, когда она любила быть одна и отдыхать. Запустив руку в бурдюк с очищенным маслом, Джейн стала втирать его в натянутую кожу своего огромного живота. Она удивлялась, как можно было допустить такую глупость и забеременеть не где-нибудь, а в Афганистане.

Она приехала сюда с двухгодичным запасом противозачаточных средств, со спиралью и целой коробкой сперматоидального желе. И тем не менее, всего через несколько недель, после месячных она забыла о своих таблетках да и о спирали.

– Как ты могла так ошибиться? – воскликнул Жан-Пьер, однако ответа не последовало.

Но сейчас, лежа под солнцем, радостная от сознания беременности и ощущения набухшей груди и постоянных болей в пояснице, Джейн убеждалась, что это была преднамеренная ошибка, своего рода профессиональный промах, бессознательно совершенный ее разумом. Джейн хотела ребенка, а Жан-Пьер, она это точно знала, не хотел. Поэтому зачатие произошло случайно.

«Почему мне так хотелось ребенка?» – спрашивала она себя, и ответ пришел ниоткуда: «Потому что я чувствовала себя одинокой».

– Это правда? – проговорила она вслух. В этом сквозила ирония. Она никогда не чувствовала одиночества в Париже, живя в свое удовольствие, покупая все необходимое для себя одной и разговаривая сама с собой перед зеркалом. Но после замужества, когда Джейн проводила с Жан-Пьером каждый вечер и каждую ночь, работая с ним рядом ежедневно большую часть дня, она ощущала свою обособленность, одиночество и страх.

Они поженились в Париже перед самым приездом сюда. Впрочем, это казалось им естественным приключением, новый вызов, новый риск, новые переживания. Все говорили, какие они счастливые, смелые и влюбленные. Все так и было на самом деле.

Джейн без сомнения ожидала от брака очень многое. Она надеялась, что ее любовь и близость с Жан-Пьером будут все больше возрастать. Она думала, что узнает о его пассии в юности, чего он действительно боялся, хотела услышать от него, действительно ли мужчины, помочившись, стряхивают несколько капель, в свою очередь она рассказала бы ему, что ее отец был алкоголиком и что ей пригрезилось, будто ее изнасиловал темнокожий и что от волнения она иногда сосала свой большой палец руки. Но Жан-Пьер, видимо, считал, что после свадьбы их отношения должны оставаться точно такими же, как и прежде. Жан-Пьер вежливо относился к ней, заставлял ее смеяться в своих маниакальных состояниях, беспомощно погружался в ее объятия, когда пребывал в унынии, затевал дискуссии о политике и о войне, умело раз в неделю занимался с ней любовью, пуская в ход свое молодое тело и свои крепкие чувствительные руки хирурга. Короче говоря, в любом отношении вел себя не столько как муж, сколько как возлюбленный. Она до сих пор ощущала себя неспособной беседовать с ним о глупых неловких вопросах, например, не выглядит ли ее нос в шляпке еще длиннее и как она все еще злится при воспоминании о том, как ее хорошенъко отшлепали за облитый чернилами ковер в гостиной, в чем была виновата не она, а ее сестра Паулина. Ей хотелось задать кому-нибудь вопрос – все складывается, как оно и должно быть, или все со временем устроится? – но ее друзья и семья были так далеко отсюда, а афганские женщины восприняли ее ожидания как нечто чудовищное. Она устояла перед искушением открыть Жан-Пьеру свое разочарование, частично из-за расплывчатости своих жалоб и частично потому, что боялась его реакции.

Оглядываясь в прошлое, она понимала, что мысль о ребенке появилась у нее еще раньше при общении с Эллисом Тейлером. В тот год Джейн отправилась на самолете из Парижа в Лондон, чтобы участвовать в крещении третьего ребенка своей сестры Паулины, чего она обычно никогда бы себе не позволила, ибо не любила официальных семейных торжеств. Джейн даже стала нянчить младенца одной пары в доме, где жила, – он был истеричный торговец антиквариатом, она – аристократка. Причем больше всего Джейн нравилось, когда ребенок плакал, а она брала его на руки и старалась успокоить.

Потом уже здесь, в долине, где ее долг заключался в том, чтобы побудить женщин регулировать появление своих младенцев ради того, чтобы иметь более здоровых детей, она обнаружила, что разделяет радость, с которой каждая новая беременность воспринимается даже в самых бедных и перенасыщенных детьми семьях. Таким образом одиночество и материнский инстинкт бросали вызов здравому смыслу.

Был ли это такой период времени – или всего лишь скоротечный миг – когда она поняла, что ее подсознание пыталось внушить ей необходимость беременности? Задумывалась ли она о беременности в тот момент, когда Жан-Пьер погружался в нее, плавно и приятно, как корабль заходит в док, в то время как она охватывала своими руками его тело. Или в минуту колебания, непосредственно перед его апогеем, когда, крепко закрыв глаза, он, казалось, отделялся от нее, погружаясь в собственную плоть. Словно космический корабль, падающий в самый центр солнца. Или потом, блаженно засыпая с его горячим семенем в собственной плоти?

— «Я осознала это?» — проговорила Джейн вслух, но мысли о занятии любовью возбуждали ее, и она принялась чувственно ласкать себя скользкими от масла ладонями, забывая произнесенный вопрос и наполняя свое сознание смутными вихревыми картинами страсти.

Вой реактивных самолетов заставил ее вернуться в мир реальности. В испуге Джейн пристально наблюдала за тем, как еще четыре бомбардировщика стремительно пронеслись над долиной и скрылись за горизонтом. Когда шум утих, Джейн снова стала гладить себя, но настроение ее было уже испорчено. Она тихо лежала на солнце и размышляла о своем ребенке.

Жан-Пьер отреагировал на ее беременность, как на что-то преднамеренное. В гневе он был готов сам сделать ей аборт немедленно. Это его желание показалось Джейн настолько зловещим, что он стал для нее чужим. Но самым тягостным было сознание того, что она отвергнута. Мысль о том, что ее мужу не нужен ее ребенок, наполнило Джейн глубочайшей грустью. Он еще более усугубил положение тем, что отказывался притронуться к ней. Еще ни разу в жизни она не чувствовала себя такой несчастной. Впервые ей стало понятно, почему люди порой стремятся убивать друг друга. Уклонение от физического контакта было для Джейн самой страшной пыткой — она искренне желала, чтобы Жан-Пьер избил ее — так пронзительно ощущала Джейн потребность в его прикосновении. Вспоминая эти дни, она продолжала злиться на него, хотя понимала, что причиной этого была она сама.

Потом в одно прекрасное утро Жан-Пьер обнял ее и извинился за свое поведение, и хотя часть ее натуры, казалось, кричала: «Одного извинения недостаточно, ты, ублюдок!», другая жаждала его любви. И она мгновенно все ему простила. Он объяснил, что уже сейчас боится ее потерять, а если она станет матерью его сына, чувство в нем еще более усилится, ибо тогда он потеряет их обоих. Это признание растрогало ее до слез, и она поняла, что беременность еще теснее привязала ее к Жан-Пьеру. В общем, несмотря ни на что, она решила сделать все для укрепления их брака.

После этого разговора в его отношении к ней появилось больше теплоты. Он стал проявлять интерес к подрастающему в чреве ребенку, беспокоясь о ее здоровье и безопасности, как положено будущим отцам. «Если их брак, — размышляла Джейн, — никогда не станет идеальным, то пусть хотя бы будет счастливым». В мечтах ей рисовалось благополучное будущее: Жан-Пьер в качестве министра здравоохранения в составе французского правительства социалистов, а сама она — депутат Европарламента с тремя прекрасными детьми — один ребенок в Сорbonne, другой в лондонской школе экономики и третий в Нью-Йоркской высшей школе изобразительных искусств.

В ее фантазиях самым старшим и самым талантливым ребенком была девочка. Джейн дотронулась до своего живота, нежно надавила на него кончиками пальцев, словно прощупывая конфигурацию тела ребенка. Старая деревенская повитуха Рабия утверждала, что родится девочка, потому что она давала о себе знать с левой стороны, в то время как мальчики располагаются на правом боку. Соответственно Рабия рекомендовала ей овощную диету. Если бы ожидалось рождение мальчика, она посоветовала бы диету с преобладанием мясного. В Афганистане лучшая пища доставалась мужскому полу еще в чреве матери.

Мысли Джейн прервал оглушительный грохот. На мгновение Джейн оторопела, решив, что это опять реактивные самолеты, пронесшиеся над нею несколько минут назад, чтобы разбомбить какое-то селение, но потом откуда-то совсем рядом до ее слуха донесся пронзительный и непрерывный крик ребенка, полный боли и страха.

Ей сразу все стало ясно. Воспользовавшись тактикой американцев во Вьетнаме, русские разбросали по всей местности противопехотные мины. Это якобы преследовало цель блокировать пути снабжения партизан. Но поскольку «пути снабжения партизан» лежали через горные тропы, по которым каждый день шли женщины, старики, дети и животные, подлинной целью было нагнетание откровенного террора. Долетевший до Джейн крик означал, что какой-то ребенок подорвался на мине.

Джейн резко вскочила с места. Судя по всему, крик доносился со стороны дома муллы, расположенного примерно в километре отсюда за пределами деревни у горной тропы. Джейн видела этот дом – чуточку слева от нее и немного ниже. Она надела туфли, сгребла в руки одежду и устремилась туда. Первый продолжительный крик вдруг прекратился, и за ним последовала целая серия коротких воплей ужаса. Джейн казалось, словно ребенок осознал, что сделала с ним мина, и его вопли наполнились страхом. Пробираясь сквозь высокие кусты, Джейн почувствовала, что ее тоже охватывает паника – уж больно щемили душу крики попавшего в беду ребенка. – «Успокойся», – уговаривала она себя, тяжело дыша. Если она вдруг споткнется и упадет, то в беде окажутся двое, и никто не сможет им помочь, в любом случае самое скверное для перепуганного ребенка, когда рядом с ним перепуганный взрослый.

Джейн находилась уже совсем рядом. Ребенок должен быть где-то в кустах, но не на самой тропе. Дело в том, что после каждого минирования мужчины очищали все тропы от мин, но разминировать всю местность было просто невозможно.

Джейн остановилась и прислушалась. Она так задыхалась, что ей пришлось немного задержать дыхание. Крики долетали до нее из верблюжьих колючек и кустов можжевельника. Они прорвалась сквозь кустарники и увидела клочок одежды голубого цвета. Ребенок оказался мальчиком, это был девятилетний сын Мохаммеда Хана, одного из партизанских командиров.

Мгновение спустя Джейн была уже около мальчика. Он упирался коленями в серовато-коричневую землю. Видимо, он хотел поднять мину, потому что ему оторвало руку, и вот теперь обезумевшими от ужаса глазами он разглядывал кровоточащую кулью и пронзительно кричал.

За минувший год Джейн видела много всяких ран, но эта вызвала в ней глубочайшую боль.

– О, Боже милостивый, – проговорила она. – Бедный ребенок!

Она опустилась перед ним на колени, взяла на руки и стала говорить какие-то успокаивающие слова. Минуту спустя он перестал кричать. Джейн надеялась, что теперь ребенок начнет плакать, но шок засел в нем слишком глубоко, и он совсем утих. Держа его на руках, Джейн нашупала под мышкой то место, откуда сочилась кровь и зажала его рукой.

Теперь ей требовалась его помощь. Надо было заставить его заговорить.

– Муса, что произошло? – спросила она мальчика на языке дари.

В ответ ни слова. Она повторила вопрос.

– Я думал… – когда он вспомнил, глаза его широко раскрылись, пронзительно вскрикнув, он проговорил: «Я думал, это мяч!»

– Тише! – прошептала Джейн. – Расскажи мне, что ты сделал.

– Я ПОДНЯЛ ЕГО! Я ПОДНЯЛ ЕГО!

Джейн тесно прижала его к себе и стала успокаивать.

– И что же произошло?

Его голос дрожал, но истерических нот больше не было слышно.

– И он как бабахнет, – воскликнул мальчик. Он быстро стал успокаиваться.

Джейн взяла его правую ладонь и положила ее под левую руку.

– Нажми там, где я нажимаю, – сказала она. Джейн приложила кончики его пальцев к этой точке, после чего отдернула руку. Из раны снова потекла кровь. – Нажми сильнее, – сказала она. Он подчинился. Кровотечение прекратилось. Джейн поцеловала его в лоб, который был влажным и холодным.

Джейн бросила на землю около Мусы свои вещи. Она носила то же, что и афганские женщины, мешковидное платье поверх шаровар из хлопчатобумажной ткани. Джейн взяла в руки платье и разорвала тонкую материю на несколько полос, чтобы сделать из них жгут. Муса безмолвно наблюдал за нею широко раскрытыми глазами. Наконец, Джейн отломила от куста можжевельника сухую ветку, которой закрепила жгут.

Теперь мальчику требовался перевязочный материал, успокоительное средство и какой-нибудь антибиотик, чтобы предотвратить инфекцию. Кроме того, надо было срочно разыскать его мать.

Джейн надела шаровары и подтянула резинку. Она без колебания разорвала свое платье, от которого не осталось ни клочка, чтобы прикрыть верхнюю часть тела, сейчас оставалось только надеяться на то, что по дороге к ее укрытию в скале ей не встретится никакой мужчина.

Но как туда дотащить Мусу? Ей не хотелось, чтобы он добирался вместе с ней пешком. Вместе с тем Джейн не могла посадить его к себе на спину, потому что он просто не удержался бы и упал. Джейн тяжело вздохнула. Ей ничего не оставалось, как взять мальчика на руки. Наклонившись, она одной рукой обхватила его плечи, а другой – бедра. Так Джейн подняла мальчика скорее усилием коленей, чем спины. Этот прием она освоила на занятиях по физической подготовке для женщин. Прижав к своей груди ребенка, спина которого оказалась на уровне выпуклости ее живота, Джейн стала медленно подниматься в гору. Ей удалось это только потому, что из-за недоедания мальчик совсем отошел – девятилетний европейский ребенок был бы ей не по силам. Вскоре Джейн вышла из зарослей прямо на тропу. Но, пройдя метров сорок – пятьдесят, почувствовала, что силы оставляют ее. За последние несколько недель она стала очень быстро уставать, что ее огорчало, но она приучила себя относиться к этому спокойно. Джейн опустила Мусу на землю и, нежно обняв его, попробовала отдохнуться. Она прислонилась спиной к скале с одной стороны тропы. Муса погрузился в какое-то зловещее молчание, что волновало ее больше, чем его крики. Почекувствовав себя лучше, Джейн подхватила мальчика и продолжила путь.

Четверть часа спустя, когда Джейн снова сделала остановку неподалеку от вершины, на тропе появился человек. Джейн сразу узнала его.

– О нет, – произнесла она по-английски. И надо же такому случиться, что это именно Абдулла!

Это был невысокого роста мужчина лет пятидесяти пяти, довольно упитанный, несмотря на царящий в округе дефицит продовольствия. Кроме коричневой чалмы и широких черных штанов на нем был вязаный джемпер и голубой двубортный пиджак в тонкую полоску, который, казалось, носил когда-то лондонский биржевой маклер. Его пышная борода была покрашена в красный цвет. Это был мулла Бэнды.

Абдулла не доверял иностранцам, презирал женщин и ненавидел всех, кто практиковал иноземную медицину. Поскольку к Джейн было приложимо и первое, и второе, и третье, она не имела ни малейшего шанса рассчитывать на его расположение. Еще серьезнее было другое – многие в долине поняли, что употребление принадлежавших Джейн антибиотиков при инфекции имеет больший эффект, чем вдыхание дыма от горящего листа бумаги, на котором Абдулла что-то писал шафрановыми чернилами, вследствие чего мулла лишался своего заработка. Поэтому он называл Джейн не иначе, как «западной шлюхой», однако большего вреда он причинить ей не мог, ибо Жан-Пьер и она пользовались покровительством самого партизанского командира Ахмеда Шах Масуда. А скрестить шпаги с таким известным героем побаивался даже мулла.

Увидев Джейн, Абдулла остановился, как вкопанный. Из-за крайнего смущения его обычно торжественно-серъезное лицо превратилось в комическую маску. Встреча с ним была самым неприятным для нее происшествием. Никого из жителей деревни не смутил и, наверное, не шокировал бы ее полуоголый вид, а вот Абдуллу это могло привести в ярость.

Джейн решил действовать нагло.

– Мир вам, – проговорила Джейн на языке дари. Эта фраза знаменовала официальный обмен приветствиями, который иногда мог продолжаться несколько минут. Но Абдулла не ответил привычным «Вам тоже». Вместо этого, широко раскрыв рот, он пронзительным голосом обрушил на нее поток проклятий, включавших в себя на языке дари такие слова, как про-

ститутка, извращенка и совратительница детей. Раскрасневшись от гнева, он приблизился к ней и замахнулся палкой.

Но это уже было слишком. Джейн указала на безмолвно стоявшего рядом Мусу, оцепеневшего от боли и совсем ослабевшего от потери крови.

— Смотри! — крикнула она Абдулле. — Ты что, не видишь…

Однако ярость ослепила его. Прежде чем Джейн успела проговорить свои слова до конца, он со всей силой ударил ее палкой по голове. Джейн закричала от боли и гнева, она поразилась, как это было больно, и возмутилась, что он посмел ее ударить.

Абдулла все еще не видел, что случилось с Мусой. Он устремил пристальный взгляд на ее грудь, и тут до нее дошло, что обнаженная грудь беременной белой женщины с Запада да еще среди бела дня представляла для него такое зрелище, вызывавшее противоречивые сексуальные страхи, что он утратил самообладание. Абдулла не собирался наказывать ее одним-двумя ударами палкой, как свою жену за непослушание. В нем горело желание забить ее насмерть.

Джейн охватил жуткий страх за себя, за Мусу и за своего еще не родившегося ребенка. Она отшатнулась от него назад, но он напирал на нее, снова замахнувшись палкой. Следуя внезапному порыву, Джейн подскочила к нему и вцепилась в его лицо.

Абдулла взревел, как раненый бык, не столько от боли, сколько от возмущения тем, что женщина, которую он избивал, посмела дать ему отпор. Пока он пребывал в полной растерянности, Джейн обеими руками вцепилась ему в бороду и потянула к себе. Абдулла качнулся ей навстречу, споткнулся и упал. Скатившись под уклон, он застрял в кустах карликовой ивы.

— О, Боже, что же я наделала? — подумала Джейн.

Ведь глядя на этого напыщенного, злобного муллу, Джейн показалось, что он никогда не простит ей нанесенного оскорблений. Он наверняка пожалуется на нее «белобородым», деревенским старостам, и, наверняка, даже будет требовать от Масуда отправить домой врачей-иностранцев. Он даже может попытаться спровоцировать мужчин Бэнды на то, чтобы забросать ее камнями. Но почти одновременно Джейн подумала, что для жалобы на нее мулле пришлось бы сознаться всем в свалившемся на него позоре, и для жителей деревни он навсегда стал бы мишенью для насмешек. Афганцы могли быть очень жестокими. Может, ей удалось еще раз легко отделаться?

Джейн обернулась. Сейчас важнее было думать о другом. Муса продолжал стоять на том же месте, молчаливый, с ничего не выражавшим видом, в состоянии слишком глубокого шока, чтобы понять происходящее. Джейн глубоко вздохнула и, подхватив его на руки, продолжила свой путь.

Несколько минут спустя Джейн достигла гребня горы, после чего зашагала быстрее, так как ландшафт становился более ровным. Джейн очень устала, к тому же у нее болела脊椎, но она почти добралась до цели, пещеры находились непосредственно под горным гребнем. Достигнув дальнего края гребня и уже начиная спускаться, она услышала детские голоса. Мгновение спустя она увидела группу играющих шестилетних детей. Игра называлась «небеса и ад», ребенок дотрагивался рукой до пальцев ноги, в то время как двое других поднимали его в «небеса» — при условии, что тот не отрывал руки от пальцев ног, ибо в таком случае он попадал уже в «ад», которым обычно оказывалась мусорная или выгребная яма. Джейн подумала, что Мусе уже не суждено будет сыграть в эту игру, и ее охватило ощущение трагедии. Дети сразу заметили Джейн, и когда она проходила мимо них, перестали играть и уставились на нее…

— Да это Муса, — прошептал один из них. Другой повторил это имя, после чего оцепенение прошло, и все дети, обгоняя Джейн, помчались вперед, неся страшную весть.

Дневное убежище жителей Бэнды напоминало кочевье в пустыне — пыльная земля, палившее полуденное солнце, погасшие костры для приготовления пищи, закрытые от всех лица женщин, грязные дети. Джейн миновала раскинувшуюся перед пещерами небольшую ровную площадку. Женщины уже стекались к самой большой пещере, которую Жан-Пьер с Джейн пре-

вратили в своего рода клинику. Услышав возбужденные крики, Жан-Пьер вышел навстречу. Джейн с благодарностью передала ему Мусу и сказала по-французски.

– Это была мина. Ему оторвало руку. Дай мне свою рубашку.

Жан-Пьер внес Мусу в пещеру и положил его на коврик, служивший операционным столом. Прежде чем заняться ребенком, он снял с себя выгоревшую рубашку цвета хаки и отдал ее Джейн, которая натянула ее на себя.

Джейн почувствовала легкое головокружение. Ей хотелось присесть и отдохнуть в дальней прохладной части пещеры, но сделав пару шагов в этом направлении, она передумала и тут же опустилась на землю.

– Передай мне несколько тампонов, – проговорил Жан-Пьер. Но Джейн никак не среагировала. В это время в пещеру вбежала мать Мусы Халима. Увидев своего сына, она пронзительно закричала. Наверное, надо ее успокоить, подумала Джейн, чтобы она утешила своего сына, вот только почему я не могу подняться? Я закрою глаза. Только на минуту.

С наступлением ночи Джейн стало ясно, что заявляет о себе ее ребенок.

* * *

Когда после обморока в пещере Джейн пришла в себя, она почувствовала боли в спине, вызванные, как ей казалось, тем, что пришлось тащить на себе Мусу. Согласившись с ее диагнозом, Жан-Пьер дал ей таблетку аспирина и велел спокойно полежать. В пещере, чтобы глянуть на Мусу, появилась повитуха Рабия, которая внимательно посмотрела на Джейн. Но в тот момент Джейн не поняла значения этого взгляда. Жан-Пьер очистил и перевязал Мусе культи, ввел ему пенициллин и противостолбнячную сыворотку. Теперь ребенок не умрет от инфекции, что почти наверняка произошло бы при отсутствии западных медиков, тем не менее Джейн размышляла о смысле его жизни – выживание здесь было делом далеко не простым даже для самых крепких, а уж дети-калечи погибали, как правило, в юном возрасте.

Под вечер Жан-Пьер собрался в путь. В одной деревне, расположенной в нескольких милях отсюда, у него был запланирован на другой день амбулаторный осмотр больных. Джейн не совсем понимала, почему Жан-Пьер в таких случаях проявлял особую пунктуальность, хотя ему было известно, что ни одного афганца не удивило бы его опоздание на день или даже на целую неделю.

Когда Жан-Пьер поцеловал Джейн на прощание, она подумала, что боли в спине это, наверное, начало родовых схваток, вызванных ее переживаниями о Мусе. Но поскольку Джейн еще никогда не рожала, у нее не было в этом отношении никакого опыта, поэтому она решила, что дело тут в другом. Джейн поинтересовалась у Жан-Пьера.

– Не беспокойся, – резко ответил он. – На ожидание у тебя еще целых шесть недель.

Она спросила, может, так, на всякий случай, ему лучше никуда не ездить, но он решил, что менять планы нет необходимости, из-за чего Джейн сама себе показалась глупой. Поэтому Джейн согласилась, и, чтобы до темноты добраться до места и прямо с утра начать прием больных, Жан-Пьер погрузил на тощую лошаденку медикаменты и прочие принадлежности и отправился в путь.

Когда солнце стало садиться и долина начала уходить в тень, Джейн вместе с женщинами и детьми спустилась в сумеречную деревню, а мужчины устремились на поля, чтобы, пока отдыхали бомбардировщики, убрать урожай.

Дом, в котором жили Джейн и Жан-Пьер, принадлежал деревенскому лавочнику, который, распростиившись с надеждой сделать деньги в военное время, потому что торговать было практически нечем, вместе со своей семьей подался в Пакистан. Переднее помещение, в котором когда-то размещался магазин, служило Жан-Пьеру клиникой до тех пор, пока интенсивные летние бомбардировки не заставили жителей деревни прятаться в течение всего дня в гор-

ных пещерах. В тыльной части имелось еще два помещения – одна комната предназначалась для мужчин и их гостей, другая – для женщин и детей. Джейн и Жан-Пьер использовали их в качестве спальни и жилой комнаты. Около дома за глиняной стеной находился двор с костром для приготовления пищи и маленьkim источником для стирки одежды, мытья посуды и детей. Лавочник оставил кое-какую самодельную деревянную мебель, а жители деревни одолжили Джейн несколько роскошных напольных ковров. Джейн с Жан-Пьером, как и афганцы, спали на тюфяке, но вместо одеяла использовали пуховый спальный мешок. Как и афганцы, утром они скатывали тюфяк в рулон, а в хорошую погоду проветривали его на плоской крыше. Летом все спали на крышах домов.

Переход Джейн из пещер к дому отозвался усилением боли в спине. Оказавшись, наконец, внизу, она чуть было не рухнула от боли и изнеможения. Ей нестерпимо хотелось в туалет, но от жуткой усталости она не могла бы добраться до него, поэтому воспользовалась горшком, спрятанным за ширмой в спальне. При этом Джейн обнаружила маленькое красноватое пятнышко на своих хлопчатобумажных штанах.

У нее не было сил, чтобы по наружной лестнице забраться на крышу и достать оттуда тюфяк, поэтому она спустилась на лежавший посреди спальни ковер. Боли в спине накатывались волнами. Джейн положила руки на живот, и, когда накатилась следующая волна, она ощутила движение маленького тельца, стремившегося куда-то вниз, причем боли усиливались и только тогда отпускали, когда уменьшался нажим на нижнюю часть живота. Теперь-то уж она нисколько не сомневалась, что начались родовые схватки.

Джейн испугалась. Она вспомнила, что рассказывала после первых родов ее сестра Паулина. Тогда Джейн поехала к ней с бутылкой шампанского и крохотным пакетиком марихуаны. Когда обе полностью расслабились, Джейн спросила ее, что же представляют из себя роды, и Паулина ответила: «Ну это, будто у тебя стул после арбуза». Потом обе долго хихикали.

Однако Паулина рожала в больнице университетского колледжа, в самом центре Лондона, а не в глинобитном доме, в долине Пяти Львов.

– Что же мне делать? – подумала Джейн.

Главное – не паниковать. Надо помыться теплой водой с мылом, найти острые ножницы и на четверть часа опустить их в кипящую воду, потом достать чистые простыни и лечь на них, выпить жидкости и успокоиться. Но прежде чем она успела что-либо предпринять, схватки возобновились, причем в этот раз было действительно очень сильно. Джейн закрыла глаза и попыталась, как советовал ей Жан-Пьер, наладить медленное, глубокое и правильное дыхание. Но Джейн было очень трудно контролировать свои ощущения, когда ей хотелось только одного – взвыть от страха и боли.

Схватки прошли, и Джейн почувствовала себя совершенно изможденной. Она безмолвно лежала, стараясь восстановить в себе утраченные силы. До нее дошло, что она не в состоянии выполнить ни один пункт из намеченного, в одиночку ей с этим просто не справиться. Как только ей станет легче, она поднимется с пола и направится к ближайшему дому, чтобы попросить женщин разыскать повитуху.

Очередной приступ начался раньше, чем она ожидала, всего через одну-две минуты. Когда боли стали просто невыносимыми, Джейн проговорила громким голосом: «И почему никто не скажет, как это больно?»

Когда боли отпустили, она заставила себя встать. Страх перед необходимостью рожать без посторонней помощи придал ей новые силы. Джейн проковыляла из спальни в жилую комнату, с каждым шагом чувствуя себя чуточку сильнее. Она дотащилась до внутреннего дворика, когда ощущила между бедрами теплую влажную струю, от чего мгновенно стали мокрыми ее штаны. Это отошли воды. «О, нет», – простонала Джейн. Она прижалась к дверному косяку. Штаны сползали с ее тела, и она боялась, что в таком состоянии не сможет пройти и трех метров. От этой мысли Джейн почувствовала себя униженной. «Ты должна», – проговорила она

самой себе, но тут начались новые схватки, и Джейн опустилась на пол, считая, что со всем этим она обязана справиться в одиночку.

Когда Джейн снова открыла глаза, прямо перед собой она увидела лицо какого-то мужчины. Он был похож на арабского шейха: смуглая кожа, темные глаза и черные усы, аристократические черты – высокие скулы, орлиный нос, белые зубы и вытянутая нижняя челюсть. Это был отец Мусы Мохаммед Хан.

– Слава Богу, – невнятно пробормотала Джейн.

– Я пришел, чтобы поблагодарить тебя за спасение моего единственного сына, сказал Мохаммед на дари. – Ты нездорова?

– Я вот-вот рожу.

– Сейчас? – спросил он озадаченно.

– Скоро. Помоги мне добраться до дома.

Он задумался – рождение ребенка, как и всё, имевшее отношение исключительно к женскому началу, считалось нечистым делом. Но его колебание длилось всего одно мгновение. Он помог Джейн встать и поддерживал ее, пока через жилую комнату она добралась до спальни. Потом Джейн снова опустилась на ковер.

– Сходи за кем-нибудь, кто бы мне помог, – сказала ему Джейн.

Он нахмурил лоб в нерешительности, ибо не знал, как поступить. В этот момент он выглядел по-мальчишески привлекательно.

– А где Жан-Пьер?

– Уехал в Кхавак. Мне нужна Рабия.

– Да, – ответил он. – Я пришлю свою жену.

– Прежде чем ты уйдешь…

– Да?

– Пожалуйста, подай мне воды.

Он был явно в шоке. Мужчина, прислуживавший женщине, даже если он подносил ей немного воды, – это было неслыханно.

– Из специального кувшина, – добавила Джейн. У нее всегда был под рукой сосуд с кипяченой отфильтрованной питьевой водой, только так можно было уберечь себя от многочисленных кишечных паразитов, от которых почти все местные жители страдали всю свою жизнь. Мохаммед решил пренебречь традицией.

– Разумеется, – проговорил он. Мохаммед прошел в соседнюю комнату и мгновение спустя вернулся с чашкой. Джейн поблагодарила его и с благодарностью отпила воды.

– Я пошлю Халиму за повитухой, – сказал он. Халима была его женой.

– Благодарю, – проговорила Джейн. – Скажи ей, чтобы поторопилась.

Мохаммед ушел. Джейн повезло, что это был Мохаммед, а не какой-нибудь другой мужчина. Другие наверняка отказались бы дотронуться до больной женщины. Мохаммед думал по-другому. Он был один из самых известных партизанских вожаков, фактически местным представителем партизанского командира Масуда. Мохаммеду было всего двадцать четыре года, но в этой стране он не считался слишком юным для того, чтобы быть партизанским вожаком или отцом девятилетнего сына. Он учился в Кабуле, говорил немного по-французски и понимал, что царящие в долине порядки не являются единственной формой допустимого поведения в мире. На него была возложена ответственность за организацию автоколонн в Пакистан и обратно для обеспечения жизненно важных поставок оружия и боеприпасов. Джейн и Жан-Пьер прибыли в долину с одной из таких колонн.

В ожидании следующих родовых схваток Джейн стала вспоминать ту ужасную экспедицию. Она считала себя вполне здоровой, спортивной и физически крепкой женщиной, способной весь день прошагать пешком. Но она не могла предвидеть нехватку пищи, крутые подъемы, суровые горные тропы и изматывающие расстройства желудка. Отдельные участки пути они

преодолевали исключительно ночью в страхе перед русскими вертолетами. Порой им приходилось иметь дело также с враждебно настроенными сельскими жителями: опасаясь, что колонна спровоцирует нападение русских, местные жители отказывались продавать партизанам провиант, прятались за закрытыми дверями, или же отправляли колонну на какой-нибудь луг или в сад на расстоянии нескольких километров – вроде бы идеальное место для расположения колонны. Но потом выяснялось, что такого места в природе не существовало.

Из-за русских налетов Мохаммед постоянно менял маршрут. Жан-Пьер раздобыл в Париже американские географические карты Афганистана, которые оказались надежнее, чем те, что были у партизан. Поэтому Мохаммед часто заходил к ним домой, чтобы изучить местность по карте, прежде чем отправлять новую колонну. По правде говоря, Мохаммед заходил к ним чаще, чем требовалось. Он также чаще общался с Джейн, чем это обычно делали афганские мужчины. Он имел с ней несколько продолжительный визуальный контакт, нередко бросая тайные взгляды на ее лицо. Джейн думала, что он влюбился в нее. По крайней мере, до тех пор, пока не увидел, что она беременна. Со своей стороны, Джейн проявляла к нему интерес, особенно в пору охлаждения ее отношений с Жан-Пьером. Мохаммед был стройным, смуглым и физически крепким, причем внимание Джейн первый раз в ее жизни привлек мужчина – махровый шовинист.

Она могла бы завести с Мохаммедом роман. Хотя, как и все партизаны, он был благочестивым мусульманином, это, наверное, не имело бы особого значения. Она помнила, как повторял ее отец: «Благочестие способно держать в узде слабое желание, но ничто не может противостоять настоящей страсти». Вторая часть этого высказывания привела ее мать в ярость. Нет, в этой пуританской крестьянской общине прелюбодеяния случались часто, как и в других местах, Джейн убедилась в этом, слушая пересуды женщин, приходивших на реку за водой или чтобы искупаться. Джейн было известно и то, как это происходит. Об этом ей рассказал Мохаммед.

– С наступлением темноты под водопадом за последней водяной мельницей можно видеть, как из воды выпрыгивают рыбы, – сказал он однажды. – Иногда я отправляюсь туда в это время половить рыбку.

С наступлением темноты все женщины были заняты приготовлением пищи, а мужчины сидели во внутреннем дворике мечети, разговаривали и курили, на таком расстоянии от деревни никто не увидел бы влюбленных, и никто не стал бы искать ни Джейн, ни Мохаммеда.

Джейн показалось искушением заняться любовью у водопада с этим стройным и первобытным афганцем, но потом она забеременела и последовало признание Жан-Пьера, как он боится ее потерять; в ответ Джейн решила, несмотря ни на что, посвятить все свои усилия налаживанию супружеских отношений, поэтому она так ни разу и не пошла к водопаду, а когда проявилась ее беременность, Мохаммед перестал бросать тайные взгляды на ее лицо.

Возможно, их взаимное тайное влечение побудило Мохаммеда явиться, чтобы помочь ей, в то время как другие мужчины отказались бы или просто ушли, не переступив порога. А может, причиной тому был Муса. Ведь у Мохаммеда было три дочери, но только один сын, поэтому он, наверное, чувствовал себя теперь в неоплатном долгу перед Джейн. Сегодня у меня появились друг и враг, подумала Джейн, – Мохаммед и Абдулла.

Тут вновь напомнили о себе схватки, и Джейн стало ясно, что последняя передышка оказалась более длительной, чем предшествующая. Может, схватки теперь становились беспорядочными? Почему? Жан-Пьер ничего не говорил ей об этом. Но он здорово подзабыл гинекологию, которую изучал три или четыре года тому назад.

Этот приступ оказался самым мучительным по сравнению со всеми прежними. Джейн был озабочен, ее тошнило. Куда подевалась повитуха? Мохаммед не мог забыть или передумать – он наверняка послал свою жену за повитухой. Но послушается ли она своего мужа? Тут не может быть сомнения – афганские женщины всегда подчиняются своим мужьям. Однако она

вполне могла идти не спеша, сплетничая по пути с другими женщинами, или даже зайти в какой-нибудь дом попить чаю. Подобно тому, как в долине Пяти Львов отмечались случаи прелюбодеяния, были тут и проявления ревности – Халима наверняка знала или предполагала, какие чувства ее муж испытывает к Джейн, что, впрочем, было характерно для всех жен. Может, она обиделась за то, что ее попросили помочь своей сопернице, этой странной белокурой образованной иностранке, которая так нравилась ее мужу? Вдруг Джейн, в свою очередь, страшно рассердилась на Мохаммеда и Халиму. Я ведь не сделала им ничего плохого, подумала Джейн. Почему они все бросили меня? Почему здесь нет моего мужа?

Когда накатилась новая волна схваток, Джейн разревелась. Это было уже слишком.

«Я больше не могу, – громко проговорила она. Ее тряслось. Ей хотелось умереть, прежде чем боли усилятся. – Мамочка, помоги мне, мамочка», – рыдала Джейн.

Вдруг на ее плечи легла сильная рука, а в ее ушах зазвучал женский голос, бормотавший какие-то непонятные, но утешительные слова на языке дари. Не открывая глаз, она вцепилась в женщину, пронзительно крича и плача, по мере того как схватки становились все более невыносимыми. Затем они стали смягчаться, очень медленно, но уже с надеждой на затухание, казалось, что это будет последний приступ или, может быть, последний мучительный.

Джейн подняла глаза и увидела серьезные карие глаза и морщинистые щеки старой повитухи Рабии.

– Господь да пребудет с тобой, Джейн Дебу.

Джейн почувствовала облегчение, словно сбросила с себя тяжелый груз.

– И с тобой, Рабия Гул, – прошептала она с благодарностью.

– Схватки накатываются друг на друга?

– Каждую одну-две минуты.

– Ребенок появляется на свет раньше времени, – раздался какой-то другой женский голос.

Повернув голову, Джейн увидела Захару Гул, сноху Рабий. Это была пышная молодая женщина в возрасте Джейн. У нее были кудрявые, почти черные волосы и широкий смеющийся рот. Из всех женщин деревни Захара была единственной, к которой Джейн ощущала привязанность.

– Я рада, что вы сейчас здесь, – сказала Джейн.

– Мальчик рождается раньше времени, потому что ты тащила Мусу в гору.

– Только поэтому? – спросила Джейн.

– Этого хватит.

Стало быть, им ничего не известно о стычке с Абдуллой. Он решил это скрыть.

– Подготовить все необходимое для ребенка? – спросила Рабия.

– Да, пожалуйста. – Только Богу известно, на какую примитивную гинекологию я полагаюсь, – подумала Джейн, однако одной мне ни за что не справиться, ни за что.

– Хочешь, Захара приготовит тебе чаю? – спросила Рабия.

– Да, пожалуйста. – В конце концов, это не было связано ни с каким суеверием.

Обе женщины взялись за работу. Сам факт их присутствия действовал на Джейн успокаительно. «Это ведь хорошо, – размышляла Джейн, – что Рабия попросила разрешения ей помочь. Западный доктор безо всяких вошел бы и стал бы вести себя так, словно он здесь хозяин». Как того требует ритуал, Рабия вымыла руки и призвала пророков сделать ее «краснолицей», что обещало успех, после чего еще раз очень основательно долго мыла руки с мылом. Захара принесла кувшин с дикой рутой, а Рабия подожгла несколько крошечных темных семян древесным углем. Джейн вспомнила, что, по рассказам, запах горящей руты отгоняет злых духов. Она утешилась мыслью о том, что едкий дым поможет отогнать из комнаты мух.

Рабия была не только повитухой. Акушерство являлось для нее основным занятием, вместе с тем она владела травной терапией и магией для лечения бесплодия у женщин. Кроме того, она помогала им предотвращать беременность и делать аборт, хотя особой необходимости в

этом не было, как правило, афганские женщины хотели иметь много детей. К Рабии также обращались за консультацией по любой женской болезни. Обычно ее просили также обмыть покойника, что наряду с принятием родов считалось нечистым делом.

Джейн следила за тем, как она передвигалась по комнате. Наверное, она была самой старой женщиной в деревне – где-то порядка шестидесяти лет. Как большинство живущих здесь, она была невысокого роста – не более полутора метров – и очень худой. Ее морщинистое смуглолое лицо обрамляли седые волосы. Движения были неторопливые, а костлявые старые руки поражали ловкостью и надежностью.

Вначале она относилась к Джейн с недоверием и враждебностью. Когда Джейн спросила, кого призывала Рабия в случае тяжелых родов, та только фыркнула:

– Пусть дьявол не слышит, но у меня никогда не было трудных родов, и у меня еще ни разу не погибли ни мать, ни ребенок.

Но впоследствии, когда деревенские женщины обращались к Джейн с незначительными расстройствами менструации или со стандартными случаями беременности, Джейн вместо того, чтобы выписывать успокоительные лекарства, отправляла их к Рабии. С того времени и наладилось между ними сотрудничество. Рабия советовалась с Джейн насчет вагинальной инфекции только что разрешившейся от бремени женщины, а Джейн давала Рабии пенициллин да еще объясняла, как его применять. Авторитет Рабии вырос после того, как стало известно, что ей доверили западные медикаменты, а Джейн, не желая обидеть Рабию, сказала ей, что, видимо, она сама занесла инфекцию во время родов, смазывая рукой родовые пути.

С того времени Рабия появлялась в клинике один-два раза в неделю, чтобы поговорить с Джейн и понаблюдать за тем, как та работает. Джейн использовала эти встречи, чтобы иногда объяснить, почему она так часто моет руки, почему кладет все свои использованные инструменты в кипящую воду и почему дает так много жидкости младенцам, страдающим поносом, и многое другое.

В свою очередь, Рабия делилась с Джейн некоторыми своими секретами. Джейн было интересно узнать, что содержалось в приготовляемом ею зелье. Она строила догадки об эффективности некоторых ее снадобий, одни по стимуляции способствовали к зачатию и содержали кроличий мозг или кошачью селезенку, обеспечивая те гормоны, которых недоставало соответствующей пациентке при нарушении обмена веществ, мята, и прежде всего кошачья мята, в соответствующей комбинации, по-видимому, уничтожали инфекцию, затрудняющую зачатие. У Рабии имелось также средство, которое жены давали своим мужьям-импотентам, и не было сомнения в том, как оно срабатывало, средство содержало опиум.

Недоверие уступило место взаимному уважению, тем не менее Джейн не говорила с Рабией насчет собственной беременности. Одно дело, когда свою смесь фольклора и колдовства Рабия применяла на афганских женщинах, другое – стать объектом ее экспериментов. Кроме того, Джейн рассчитывала, что ее ребенка примет Жан-Пьер. Когда однажды Рабия спросила о положении ребенка в утробе, предложив, если ожидается девочка, овощную диету, Джейн дала понять, что в связи с этой беременностью уместно говорить лишь о западных методах лечения. Рабия явно обиделась, но восприняла это решение с достоинством. Но теперь Жан-Пьер был в Кхаваке, а Рабия находилась рядом. Поэтому Джейн была рада воспользоваться помощью старой женщины, которая за свою жизнь приняла не одну сотню младенцев да и сама произвела на свет одиннадцать.

На какое-то время боли утихли, но в последние несколько минут, пока Джейн наблюдала, как Рабия неторопливо занимается своими приготовлениями, в нижней части живота появились какие-то новые ощущения, явное ощущение тяжести в сочетании со все возрастающим позывом выдавить. Позыв становился все более неудержимым, и когда Джейн чуть натужилась, с ее губ сорвался стон, но не от боли, а от усилия.

Словно откуда-то на расстоянии до нее донесся голос Рабии:

– Начинается. Хорошо.

Мгновение спустя ощущение сдавливания исчезло. Захара принесла чашку зеленого чая. Джейн приподнялась и с благодарностью пригубила. Чай был теплый и очень сладкий. «Захара мне ровесница, но у нее уже четверо детей, не считая выкидышей и мертворожденных, – думала Джейн. – Тем не менее она относилась к категории особо живучих женщин, напоминавших здоровых молодых тигриц. Видимо, она намерена родить еще нескольких детей». Если поначалу женщины относились к Джейн с недоверием и враждой, Захара приняла ее с откровенным любопытством. Вскоре Джейн увидела, что некоторые привычки и традиции Долины Захара считает бессмысленными и стремится воспринять побольше иностранных идей о здоровье, уходе за детьми и питании. Таким образом, Захара стала не только подругой Джейн, но и до некоторой степени опорой в осуществлении ее программы санитарного просвещения.

Однако сегодня Джейн познакомилась с афганскими методами врачевания. Она наблюдала, как Рабия раскладывает на полу пластиковый коврик (интересно, что использовалось тогда, когда здесь еще не было пластика?), посыпая его слоем песка, целое ведро которого Захара принесла в дом. Рабия выложила несколько предметов на kleenку, и Джейн приятно было видеть чистую вату и новое, еще не вынутое из упаковки, бритвенное лезвие.

Джейн снова захотелось натужиться, и она закрыла глаза, чтобы сосредоточиться. Собственно болевого ощущения не было, казалось, что ее мучит какой-то жуткий запор. Она застонала, но не от боли, а потому, что это помогло при таком усилии, о чем ей хотелось сказать Рабии, да вот только она не могла одновременно и говорить, и напрягаться.

Когда стало чуть-чуть легче, Рабия опустилась на колени, развязала шнур на штанах Джейн и осторожно освободила ее живот и ноги.

– Хочешь помочиться, прежде чем я тебя обмою? – спросила она.

– Да.

Она помогла Джейн встать и пройти за шторку, потом, поддерживая за плечи, усадила ее на горшок.

Захара принесла таз с теплой водой и унесла горшок. Рабия обмыла Джейн живот, бедра и половые органы, впервые действуя живее, чем прежде. Потом Джейн снова легла. Рабия вымыла свои руки и вытерла полотенцем. Она показала Джейн маленький кувшин с голубым порошком – наверное, сульфат меди, подумала Джейн – и сказала:

– Этот цвет отгоняет злых духов.

– Что ты хочешь с ним делать?

– Немного посыплю тебе на лицо.

– Ладно, – проговорила Джейн и добавила. – Спасибо.

Рабия посыпала немного порошка Джейн на лоб. «Я не имею ничего против колдовства, если оно не во вред, – подумала Джейн, – но что она будет делать, если возникнет настоящая медицинская проблема? Вот знать бы точно, на сколько недель раньше появляется этот ребенок?».

Пока Джейн озабоченно размышляла, снова начались схватки. Из-за этого она не успела сосредоточиться, чтобы сознательно усилить этот накат. В результате боль показалась ей просто нестерпимой. «Не надо волноваться, – подумала она. – Необходимо полностью расслабиться».

После этого Джейн почувствовала себя изможденной и немного вялой. Закрыв глаза, она почувствовала, как Рабия расстегивает ее рубашку, ту самую, что она взяла у Жан-Пьера в тот послеобеденный час, от которого ее отделяла целая вечность. Рабия стала массировать ей живот, втирая какую-то мазь, скорее всего, рафинированным маслом. Рабия нажала пальцем на брюшную стенку. Джейн открыла глаза и проговорила:

– Только не пробуй сдвинуть ребенка с места.

Рабия кивнула, но тем не менее продолжала прощупывать, касаясь одной рукой верхней выпуклости живота, а другой – нижней.

– Голова внизу, – сказала она в результате своего исследования. – Все в порядке. Но ребенок пойдет очень скоро. А сейчас тебе надо подняться.

Захара и Рабия помогли Джейн встать и сделать два шага в сторону присыпанного песком листа из пластика, Пристроившись сзади Джейн, Рабия сказала:

– Встань на ступни моих ног.

Джейн сделала так, как ей было сказано, хотя и не была уверена в логичности этого. Рабия заставила Джейн сесть на корточки и сама у нее за спиной припала к полу. В таком положении здесь рожали детей.

– Сядь на меня, – сказала Рабия. – Я смогу тебя удержать.

Всем своим телом Джейн повисла на бедрах этой старой женщины. В таком положении Джейн почувствовала себя на удивление удобно и спокойно.

Потом она снова ощутила, как стали напрягаться ее мышцы. Стиснув зубы от боли, Джейн со стоном сжимала низ живота. Впереди нее на корточках сидела Захара. На какое-то мгновение Джейн воспринимала только одно ощущение – тяжесть. Наконец, оно смягчилось, и Джейн куда-то провалилась, вконец изможденная и почти в бессознательном состоянии, она повисла всем своим весом на теле Рабии.

Когда схватки возобновились, Джейн ощущала новую боль – пронзительное жжение в промежности.

– Ребенок пошел, – словно между прочим отметила Захара.

– Теперь больше не нажимай, – сказала Рабия. – Пусть ребенок сам выскользнет.

Ощущение тяжести смягчилось. Рабия и Захара поменялись местами, и теперь уже Рабия, не спуская с Джейн глаз, села на корточки у нее между ногами. Ощущение тяжести снова обострилось. От боли Джейн стиснула зубы.

– Не тужься, спокойнее, – проговорила Рабия.

Джейн попробовала расслабиться. Рабия взглянула на нее и подняла руку, чтобы дотронуться до ее лица.

– Не сжимай зубы. Не напрягай рот.

Джейн расслабила челюсть и почувствовала, что это ей помоглобросить напряжение.

Снова напомнило о себе ощущение жжения, причем еще более болезненно, чем прежде. Джейн сознавала, что ребенок уже почти родился, она чувствовала, как он идет головой вперед, широко растягивая ее промежность. Джейн вскрикнула от боли, потом боль вдруг пропала, и какое-то мгновение она ничего не чувствовала. Джейн посмотрела вниз. Прикасаясь к ее бедрам, Рабия взывала к пророкам. Через пелену слез Джейн увидела в руках повитухи что-то круглое и темное.

– Не тянуть, – предупредила Джейн, – за голову не тянуть.

– Нет, нет, – отвечала Рабия.

Джейн снова ощущала тяжесть. Одновременно Рабия сказала:

– Слегка поднажми, чтобы вышел правым плечом. – Джейн закрыла глаза и немного напряглась. – Теперь, чтобы левым плечом, – проговорила чуть позже Рабия.

Джейн поднатужилась еще раз, и вот наступило почти полное облегчение, ей стало ясно, что она родила ребенка. Она посмотрела вниз и увидела, как Рабия качает на руках крохотное существо. Его кожа была в складках и влажной, а на головке виднелись темные и тоже влажные волосики. Пуповина выглядела очень странно, напоминая толстый голубой канатик, который пульсировал, как вена.

– Все в порядке? – спросила Джейн.

Рабия молчала. Сжав губы, она дула на сплющенное неподвижное лицо младенца.

«О, Боже, так он же мертв», – подумалось Джейн.

Рабия дунула еще раз, ребенок раскрыл свой крохотный ротик и заорал.

– О, слава Богу, он живой, – воскликнула Джейн. Рабия взяла чистый ватный тампон и обтерла им лицо младенца.

– Он нормальный? – спросила Джейн.

Наконец Рабия нарушила молчание. Она заглянула в глаза Джейн, улыбнулась и сказала:

– Да, девочка нормальная.

«Она нормальная», – подумала про себя Джейн. «Значит, она. Я родила маленькую девочку. Девочку!» Вдруг Джейн почувствовала себя абсолютно изможденной. У нее даже не было сил выпрямиться.

– Я хочу лечь, – проговорила она.

Захара помогла Джейн подойти к матрацу и положила ей под спину подушки, чтобы она могла сидеть в постели, пока Рабия держала ребенка, все еще связанного с Джейн пуповиной. Когда Джейн усилась в постели, Рабия стала обтирать младенца ватными тамponами.

Джейн наблюдала за тем, как канатик перестал пульсировать и сморщился, становясь все белее.

– Теперь ты можешь перерезать пуповину, – сказала она Рабии.

– Мы всегда ждем плаценту, – ответила Рабия.

– Делай, как я тебе говорю, пожалуйста.

В ее взгляде мелькнуло сомнение, но она подчинилась. Рабия взяла со столика кусок белого шпагата, перевязала им пуповину в нескольких сантиметрах от пупка младенца. «Поближе было бы лучше, – подумала Джейн, – но это не столь важно».

Рабия вынула из обертки бритвенное лезвие.

– Во имя Аллаха, – проговорила Рабия и перерезала пуповину.

– Дай ее мне, – сказала Джейн.

Рабия передала девочку матери, приговаривая:

– Только не давай грудь.

Джейн знала, что здесь Рабия заблуждалась.

– Это на пользу последу, – заметила она. Рабия повела плечами.

Джейн прижала лицо ребенка к своей груди. Ее соски были увеличены и оказались чувствительными к раздражению, словно их целовал Жан-Пьер. Когда сосок ее груди коснулся щеки младенца, он автоматически повернул голову и раскрыл свой маленький ротик. Как только сосок исчез между губами, младенец начал сосать грудь. К удивлению Джейн, это вызвало в ней какое-то сексуальное ощущение. На какой-то миг она даже оторопела, но потом подумала: «Да что это со мной?»

Джейн ощущала какие-то движения в нижней части живота. Она подчинилась рекомендации еще раз поднатужиться, после чего почувствовала, как вышла плацента – нечто такое скользкое, как бы малые роды. Рабия тщательно завернула послед в тряпку.

Младенец перестал сосать и, казалось, уснул.

Захара поднесла Джейн стакан воды. Она выпила его залпом. Вода показалась ей очень вкусной. Она попросила еще.

Джейн чувствовала себя измученной, истерзанной, но бесконечно счастливой. Она разглядывала маленькую девочку, мирно спавшую у нее на груди. И тут ее саму потянуло ко сну.

Рабия сказала:

– Надо бы спеленать ребенка.

Джейн подняла девочку – она оказалась легкой как куколка – и передала ее в руки старой женщине.

– Шанталь, – произнесла Джейн, когда Рабия приняла из ее рук малютку. – Ее имя будет Шанталь. – После этих слов Джейн закрыла глаза.

Глава 5

Эллис Тейлор рейсом «Истерн Эйрлайнз» вылетел из Вашингтона в Нью-Йорк. В аэропорту Ла Гардиа он взял такси и поехал в отель «Плаза», в Нью-Йорк-Сити. Таксист высадил его у входа в отель на Пятой авеню. Эллис вошел в отель. В холле он свернул влево и направился к лифтам со стороны 58-й улицы. Вместе с ним оказались мужчина в элегантном костюме и женщина с сумкой для покупок от Сакса. Мужчина вышел на седьмом этаже. Эллис на восьмом. Женщина поехала выше. Эллис один прошел по напоминавшему пещеру гостиничному коридору до самых лифтов со стороны 59-й улицы. Потом, спустившись на первый этаж, покинул отель через выход на 59-ю улицу.

Убедившись, что за ним никто не следит, Эллис взял такси на южной стороне Центрального парка и поехал на Пенн-стейшн, откуда направился на поезде до Дугластиона в Квинсе...

Пока Эллис Тейлер ехал в поезде, ему вспомнились строчки из «Колыбельной» Одена:

Время и страсти сжигают
Красоту задумчивых детей.
Лишь могильный камень сохраняет
Мимолетность промелькнувших дней.¹

Прошел уже год с тех пор, как в Париже он жил в роли подававшего надежды американского поэта, но он так и не потерял вкуса к поэзии.

Эллис продолжал следить, как бы не было «хвоста», ибо об этой встрече ни в коем случае не должны были узнать его враги. Он сошел с поезда во Флашинге и стал ждать на платформе следующий поезд. Других ожидающих поезд не было. Из-за всех этих мер предосторожности он прибыл в Дугла斯顿 в пять часов. От станции примерно полчаса он довольно резво шел пешком, размышляя о том, как отнести к обсуждаемым вопросам, какие при этом выбрать слова, какие могут последовать различные реакции.

Он добрался до пригородной улицы с видом на Лонг-Айленд Саунд и остановился перед небольшим ухоженным домом в псевдотюдоровском стиле и витражом в одной из стен. У подъезда стоял небольшой японский автомобиль. Когда он приблизился ко входу, дверь ему открыла белокурая девочка тринадцати лет.

– Хэлло, Петал, – сказал Эллис.

– Привет, папочка, – ответила она.

Он наклонился, чтобы поцеловать ее, причем в нем, как обычно, чувство гордости сочеталось с комплексом вины.

Он измерил ее взглядом с головы до пят. Под тенниской, с изображением Майкла Джексона, она уже носила бюстгальтер. И это совсем недавно. «А ведь из нее уже формируется женщина, – подумал Эллис. – Просто удивительно».

– Не зайдешь на минутку? – спросила она вежливо.

– Разумеется.

Он проследовал за нею в дом. Сзади она выглядела еще более женственной. Эллису невольно вспомнилась его самая первая подружка. Тогда ему было пятнадцать лет, а она – не на много старше Петал. «Хотя, постой, – подумал он. – Она была моложе, ей исполнилось две-надцать. И я все время поглаживал ее, когда она была в свитере. Господи, защити мою дочь от пятнадцатилетних мальчишек».

Они прошли в небольшую уютную жилую комнату.

¹ Пер. Р. Виноградовой.

— Может, присядешь? — сказала Петал.

Эллис сел.

— Можно тебе чего-нибудь предложить? — спросила она.

— Чего ради вдруг так официально? — спросил ее Эллис. — Почему так подчеркнуто вежливо? Я ведь твой отец.

Она была озадачена и смущена, словно ее отругали за то, что по незнанию казалось ей правильным.

— Знаешь, мне надо причесаться. После этого можно будет ехать. Извини.

— Да, конечно, — ответил Эллис.

Она вышла. Ее официальный тон был для него мучительным. Это значило, что он все еще оставался для нее чужим. Он так и не стал нормальным членом ее семьи. Весь год после возвращения из Парижа он встречался с нею по меньшей мере раз в месяц. Иногда они проводили вместе целый день, но чаще всего оба отправлялись куда-нибудь пообедать, как сегодня. Чтобы провести с нею часок, ему, соблюдая максимальную осторожность, приходилось тратить на поездку четыре-пять часов. Но ей, разумеется, ничего об этом не было известно. Не драматизируя ситуацию, он ставил перед собой более чем скромную цель: занять в жизни своей дочери небольшое, но постоянное место.

Это означало изменение характера выполняемой им работы. Он отказался от работы в разведке. Его начальству это страшно не нравилось, ведь на нескольких хороших тайных агентов приходилось сотни плохих. Ему самому это решение далось не просто, собственно говоря, долг повелевал ему распорядиться своими способностями как следует. Однако он не смог бы завоевать расположение собственной дочери, если бы каждый год был вынужден уезжать куда-нибудь за тридевять земель да еще не иметь возможности сообщить ей, куда он едет, с какой целью и даже когда вернется. К тому же он не мог рисковать своей жизнью именно теперь, когда в ней только-только начала пробуждаться любовь к отцу.

Тем не менее, ему не хватало возбуждения, опасностей, напряжения в достижении поставленной цели, а также ощущения того, что на него возложено важное дело, с которым никто не может справиться так, как он. Но слишком долго его эмоциональные привязанности оказывались скоротечными, а потеряв Джейн, он ощущал потребность иметь по крайней мере одного человека, любовь которого к нему была бы постоянной.

Пока Эллис ждал, в комнату в белом летнем платье вошла Джилл. Он встал. Его бывшая жена держалась прохладно. Он поцеловал ее в подставленную щеку.

— Как поживаешь? — спросила она.

— Как всегда. А ты?

— Знаешь, я жутко занята. — И она начала рассказывать ему в деталях, сколько у нее всяких дел, и Эллис, как всегда, отключился. Джилл нравилась ему, но с ней Эллису было до смерти скучно. Странно было даже подумать, что когда-то он был на ней женат. Но она считалась самой симпатичной девушкой в английском университете, а он — исключительно способным юношем. Это произошло в 1967 году, когда каждого могли избить и все, что угодно, могло случиться, особенно в Калифорнии. На бракосочетание, в конце первого курса, они явились в белом, а кто-то сыграл им на гитаре «Свадебный марш». Затем Эллис, провалившись на экзаменах, вылетел из университета, после чего сразу был призван в армию, вместо того, чтобы, как многие в его положении, сбежать в Канаду или Швецию, он отправился на призывной пункт, как ягненок на заклание, чем поразил всех, кроме Джилл, которая к тому времени уже поняла, что ничего путного из этого брака не получится и поэтому была готова к тому, что Эллис все равно от нее сбежит. Позже в Сайгоне он угодил в лазарет с пулевым ранением в икру ноги — самая распространенная беда вертолетчиков, так как кабина у них бронирована, а ноги не защищены. Находясь в лазарете, Эллис получил судебное решение о разводе. Кто-то бросил извещение на кровать, пока Эллис был в туалете, а когда он вернулся, нашел эту

бумагу вместе с еще одной, двадцать пятой по счету медалью – «Дубовой ветвью», тогда эти награды раздавали направо и налево.

– Ты знаешь, я только что развелся, – сказал он, на что солдат с соседней кровати заметил.
– Да плюнь ты, давай лучше сыграем в карты!

Она ничего не сказала ему о ребенке. Он узнал об этом лишь несколько лет спустя, когда, став шпионом, в учебных целях стал следить за Джилл. Тогда ему стало известно, что у Джилл есть дочь по имени Петал (такое имя в конце шестидесятых годов давали многим девочкам) и муж по имени Бернард, который обращался к специалисту по лечению бесплодия. «Скрытие от него информации о рождении Петал было единственной настоящей подлостью Джилл по отношению к нему, – подумал Эллис, – хотя она считала, что делает это ему на благо».

Эллис настаивал на том, чтобы время от времени видеться с Петал, добившись в итоге, что она перестала называть Бернарда «папочка». Но Эллис вовсе не стремился стать частью их семейной жизни, по крайней мере до прошлого года.

– Ты хочешь воспользоваться моей машиной? – спросила Джилл.
– Это удобно?
– Конечно, удобно.

– Благодарю. – Ему было неприятно брать у Джилл машину, но, чтобы добраться сюда из Вашингтона, требовалось слишком много времени, а Эллису не хотелось часто брать напрокат машину в этой местности, ибо в один прекрасный день его враги разнюхали бы с помощью документации фирм по прокату или компаний кредитных карточек, а это означало бы, что они разузнали бы о Петал. Можно было бы каждый раз брать машину на чужое имя. Но для этого требовались соответствующие документы, что было недешево, к тому же ЦРУ не пошло бы на это ради простого чиновника. Поэтому Эллису приходилось брать принадлежащую Джилл «Хонду» или местное такси.

Между тем вернулась Петал, белокурые волосы рассыпались по плечам. Эллис встал.

– Ключи в машине, – проговорила Джилл.
– Садись в машину, – сказал Эллис дочери. – Я сейчас приду. – А обращаясь к Джилл, он сказал: – Мне хотелось бы пригласить ее на уик-энд в Вашингтон.

Джилл ответила любезно, но решительно:

– Если она захочет, пожалуйста, но если не захочет, заставлять я не буду.
Эллис кивнул в ответ.
– Все правильно. До встречи.

Он повез Петал в китайский ресторан в Литл Нек. Она любила китайскую пищу. Отрыгаясь от дома, Петал немного расслаблялась. Она поблагодарила Эллиса за то, что ко дню рождения он прислал ей стихи.

– Ни один мой знакомый не получал стихов ко дню рождения, – сказала она.
Он не знал, хорошо это или плохо.
– Мне кажется, это лучше, чем открытка с прелестным котенком.
– О, да, – засмеялась Петал. – Все мои друзья считают тебя очень романтичным. Мой учитель английского языка спросил меня, опубликовал ли ты что-нибудь.
– Я еще не написал ничего, что заслуживало бы публикации, – ответил он. – Английский все еще вызывает в тебе интерес?
– Этот предмет я люблю значительно больше, чем математику. В математике я пустое место.
– Что вы изучаете? Пьесы?
– Нет. Но иногда стихи.
– Какие-нибудь тебе нравятся?
Она на мгновение задумалась.
– Стихи о нарциссах.

Эллис кивнул.

– Мне это тоже нравится.

– Я только забыла, кто их написал.

– Уильям Уордсуорт.

– Да, верно.

– Что-нибудь еще?

– Собственно говоря, больше ничего. Меня больше увлекает музыка. Тебе нравится Майкл Джексон?

– Не знаю. Я не уверен, слышал ли я вообще его записи.

– Он действительно очарователен. – Петал захихикала. – Все мои друзья от него без ума.

Она второй раз сказала «все мои друзья». В данный момент группа сверстников представлялась ей самым главным в жизни.

– Мне хотелось бы как-нибудь познакомиться с кем-нибудь из твоих друзей, – сказал Эллис.

– О, папочка, – с укоризной проговорила она. – Тебе это едва ли понравится. Ведь это в основном девушки.

Получив легкий отпор, Эллис на какое-то время сосредоточился на еде, которую он запивал бокалом белого вина, в нем продолжали жить некоторые французские привычки.

Закончив есть, Эллис сказал:

– Послушай, я подумал: почему бы тебе как-нибудь не поехать ко мне в Вашингтон на уик-энд? Это ведь всего час лету. Мы могли бы хорошо провести время.

– А что в Вашингтоне? – с удивлением спросила Петал.

– Ну, мы могли бы посмотреть Белый дом, где живет президент. Кстати, в Вашингтоне находятся некоторые из самых лучших музеев мира. К тому же ты никогда не видела моей квартиры. У меня есть комната для гостей… – он осекся. Петал явно не проявляла интереса.

– Ах, папочка, я, право, не знаю, – сказала она. – На уик-энд у меня столько всяких дел – уроки, вечеринки, покупки, уроки танца и всякое другое…

Эллис старался скрыть свое разочарование.

– Ладно, не беспокойся зря, – проговорил он. – Приедешь как-нибудь в другой раз, когда дел будет поменьше.

– Да, о'кей, – подхватила Петал с явным облегчением.

– Подготовлю комнату для гостей, чтобы ты могла приехать в любое удобное для тебя время.

– О'кей.

– В какой цвет ее покрасить?

– Я даже не знаю.

– А какой твой любимый цвет?

– Думаю, что розовый.

– Ладно, значит, розовый. – Эллис выдавил из себя улыбку. – Ну, поехали.

Возвращаясь домой в машине, Петал спросила его, не будет ли он возражать, если она проколет себе уши.

– Не знаю, – произнес он осторожно. – Что думает на этот счет мама?

– Она говорит, что разрешит, если ты будешь согласен.

Интересно, Джилл сознательно подключила его к принятию этого решения или просто «подставила» его?

– Думаю, что мне это не очень по душе, – сказал Эллис. – Мне кажется, ты еще слишком молоденькая, чтобы прокалывать уши для украшений.

– Ты считаешь, я еще слишком юна, чтобы иметь молодого человека?

Эллис так и порывался сказать «да». Петал действительно казалась ему чересчур юной. Но он не мог остановить процесс взросления.

— Ты уже достаточно взрослая, чтобы назначать свидания с мальчиками, но тебе еще слишком мало лет, чтобы иметь постоянного друга, — проговорил Эллис. Он окинул ее взглядом, чтобы посмотреть, как она отреагирует на его замечание. «Может быть, — подумалось ему, — они теперь не говорят о постоянных дружках?»

Когда они приблизились к дому, «форд» Бернарда стоял у подъезда. Эллис припарковал «Хонду» позади него и вместе с Петал вошел в дом. Бернард находился в комнате. Это был невысокого роста мужчина с очень коротко подстриженными волосами, добродушный и начисто лишенный воображения. Петал восторженно приветствовала Бернарда, обняв и поцеловав его. Казалось, что он чувствовал себя даже несколько смущенным. Крепко пожав руку Эллиса, он спросил:

— У правительства в Вашингтоне дела в полном порядке?

— Да, в общем, как обычно, — проговорил Эллис. Они считали, что он работает в государственном департаменте и что его обязанности заключаются в том, чтобы прочитывать французские газеты и журналы, и подготавливать ежедневный обзор для французского отдела.

— Как насчет пива?

Собственно говоря, у Эллиса не было желания пить пиво, но для поддержания дружеской обстановки он согласился. Бернард отправился за пивом. Он был заведующим отделом кредитования одного универсального магазина в Нью-Йорке. Видимо, Петал относилась к нему с любовью и уважением, а он, в свою очередь, испытывал к ней нежные чувства. Других детей ни у Джилл, ни у Бернарда не было. И тот самый специалист по лечению бесплодия не смог ему ничем помочь.

Бернард вернулся из кухни с двумя стаканами пива, один из которых передал Эллису.

— А теперь иди готовь уроки, — сказал он, обращаясь к Петал. — Папочка простится с тобой перед отъездом.

Петал снова поцеловала его и убежала. Когда она была вне пределов слышимости, он сказал:

— Обычно Петал не так ласкова. Но когда вы здесь, она явно перебарщивает. Не понимаю, почему.

Эллису все было очень даже понятно, но сейчас ему не хотелось об этом думать.

— Выбросите это из головы, — сказал он. — Как идут дела?

— В общем неплохо. Высокие проценты хотя и отразились на нас, но не так, как мы опасались. Судя по всему, люди все еще готовы занимать деньги для приобретения товаров, по крайней мере в Нью-Йорке. — Он сел и стал потягивать пиво.

Эллису всегда казалось, что Бернард испытывал перед ним физический страх. Это проявлялось в его походке. Бернард напоминал домашнюю собаку, которую фактически непускали в дом и которая держится всегда на расстоянии, чтобы вовремя ускользнуть от пинка.

Несколько минут они поговорили об экономическом положении. Эллис поторопился допить пиво и поднялся, чтобы уйти. Он подошел к лестнице и сказал:

— До свидания, Петал.

Она показалась на самой верхней ступеньке:

— А как насчет того, чтобы проколоть уши?

— Можно мне еще подумать об этом? — спросил Эллис.

— Конечно. Пока.

Джилл спустилась по лестнице.

— Я отвезу тебя в аэропорт, — сказала она.

— Ладно, спасибо, — проговорил удивленный Эллис.

В пути Джилл сказала:

– Она дала мне понять, что не хочет проводить уик-энд у тебя.

– Да, это так.

– Ты расстроился?

– Это заметно?

– Мне – да. Ведь когда-то я была твоей женой. – Она на мгновение замолчала. – Мне очень жаль, Джон.

– Это моя вина. Я не все просчитал. До моего появления у нее уже были мамочка, и папочка, и кров – все, что требуется любому ребенку. Хотя в ее жизни я не совсем лишний, но все же угроза для ее счастья. По сути дела, я инородное тело, источник напряженности. Вот почему она вешается на Бернарда в моем присутствии. Она не хочет этим меня обидеть. Она поступает так, потому что боится потерять его. А источник этого, страх – во мне.

– Она это переживает, – сказала Джилл. – Америка полна детей с двумя отцами.

– Это не может служить извинением. Я тут напортачил, и должен это расхлебывать.

Он удивился, когда Джилл погладила его по колену.

– Не будь чересчур суров к себе, – сказала она. – Ты не создан для такой семейной жизни. Я поняла это в первый же месяц после свадьбы. Дом, работа, предместье, дети – все это не для тебя. Ты совсем другого склада. Поэтому я тогда влюбилась в тебя и поэтому же я так легко рассталась с тобой. Я любила тебя, потому что ты всегда был такой грязный, одержимый, оригинальный и возбуждающий. От тебя можно было ожидать чего угодно. Но ты не рожден для семейной жизни.

Он молча размышлял о сказанном Джилл, которая сейчас везла его в аэропорт. Все это было произнесено с дружеской интонацией, за что он был ей благодарен. Только вот так ли все это было на самом деле? Он считал, что нет. «Мне не нужен дом за городом, – думал Эллис, – но я хотел бы иметь дом, может быть, виллу в Марокко или чердак в Гринвич-Виллидж или мансарда в Риме. Мне не нужна жена-экономка, которая только готовила бы, чистила и мыла по дому, ходила бы за покупками в магазин да еще регулярно забирала бы протоколы ассоциации родителей и учителей. Мне хотелось бы найти жену-подругу, с которой можно было бы поговорить о книгах, поэзии и фильмах, и побеседовать вечером после работы. Я охотно имел бы детей и воспитал бы их так, чтобы круг их интересов не ограничивался Майклом Джексоном.»

Джилл так и не узнала об этих мыслях.

Она затормозила, и до него дошло, что они подъехали к восточному входу. Эллис посмотрел на часы, без десяти девять. Если поспешить, еще можно будет успеть на девятичасовой рейс.

– Спасибо, что подвезла, – сказал Эллис.

– Знаешь, тебе нужна женщина такая же, как ты, – заметила Джилл.

Эллис подумал о Джейн.

– Однажды я встретил такую.

– И что же?

– Она вышла замуж за миловидного врача.

– Этот врач такой же безумец, как ты?

– Не думаю.

– Тогда это все быстро развалится. Когда она вышла замуж?

– Примерно год назад.

– Ага, – Джилл, видимо, прикинула, что это совпало по времени с вторжением Эллиса в жизнь Петал. Но она снисходительно оставила эти мысли при себе. – Послушайся моего совета, – сказала Джилл. – Разыщи ее и еще раз обо всем подумай.

Эллис вышел из машины.

– Я очень скоро дам о себе знать.

– До свидания.

Он захлопнул дверь, и она уехала. Эллис поспешил в здание аэропорта. За несколько оставшихся минут он успел все оформить. Когда самолет взлетел, Эллис достал из кармана сиденья перед собой журнал новостей и поиском глазами материал о событиях в Афганистане.

Он стал внимательно следить за военными действиями в этой стране, как только узнал от Билла из Парижа, что Джейн решила отправиться туда вместе с Жан-Пьером. События в Афганистане перестали быть темой №1 в средствах массовой информации. Часто в течение недели, а то и двух, об этой войне не появлялось никаких сообщений. Но сейчас после зимней спячки в прессе кое-что стало появляться об этом, по меньшей мере, раз в неделю.

В журнале анализировалась ситуация вокруг советского присутствия в Афганистане. Эллис с недоверием стал читать попавшийся ему на глаза материал, потому что многие подобные статьи были инспирированы ЦРУ. К примеру, какой-нибудь репортер получал от секретной службы оперативную сводку в отношении конкретного района, и невольно становился источником дезинформации, адресованной разведслужбе другой страны. Таким образом, опубликованный материал оказывался столь же далеким от истины, как и какая-нибудь статья из газеты «Правда».

Тем не менее, эта статья показалась Эллису правдоподобной. В ней отмечалось наращивание живой силы и вооружений накануне крупного летнего наступления. Похоже, что Москва действовала по принципу – патронов не жалеть. Русские намеревались сломить сопротивление уже в этом году, в противном случае они будут вынуждены искать основу для какого-то соглашения с повстанцами. Этот вывод показался Эллису логичным. Он решил навести справки, что думают на это счет агенты ЦРУ в Москве, но ему казалось, что это практически совпадало с содержанием статьи.

Среди наиболее опасных районов военных действий в статье упоминалась долина Панишер. Эллис вспомнил, как Жан-Пьер рассказывал о долине Пяти Львов. В статье также упоминался главарь мятежников Масуд. Жан-Пьер говорил о нем.

Эллис смотрел в иллюминатор, наблюдая заход солнца. Он со страхом подумал о том, что в это лето над Джейн нависнет серьезная угроза.

Но это его не касается. Она ведь сейчас замужем за другим. В любом случае, он бессилен ей чем-либо помочь.

Он окинул взглядом свой журнал, перевернул страницу и углубился в чтение статьи о Сальвадоре. Самолет с ревом приближался к Вашингтону. На западе село солнце и наступила тьма.

* * *

Аллен Уиндермэн пригласил Эллиса на ленч в ресторане «Сиффорд» с видом на реку Потомак. Уиндермэн опоздал на полчаса. Это был типичный представитель столичных деловых кругов, темно-серый костюм, белая сорочка, полосатый галстук, сам скользкий, как угорь. Поскольку счет в ресторане оплачивался Белым домом, Эллис заказал омаров и бокал белого вина. Уиндермэн заказал перье и салат. Все на Уиндермэне было впритык, галстук, ботинки, план мероприятий на день и самоконтроль.

Эллис был начеку. Он не мог отказаться от приглашения советника президента, хотя не любил тайные неофициальные обеды. Но больше всего ему был несимпатичен сам Аллен Уиндермэн.

Уиндермэн приступил прямо к делу.

– Мне нужен ваш совет.

Эллис прервал его.

– Прежде всего я должен знать, в курсе ли нашей встречи ЦРУ или же нет.

Если Белый дом намеревается спланировать какую-либо тайную операцию в обход ЦРУ, Эллис не хотел иметь с этим ничего общего.

– Разумеется, – ответил Уиндермэн. – Что вам известно об Афганистане?

Эллису вдруг стало не по себе. «Раньше или позже это коснется Джейн, – подумалось ему. – Им, несомненно, все известно о ней, да я этого и не скрывал. Я сказал Биллу в Париже, что собираюсь просить ее руки. Позже я звонил Биллу, чтобы выяснить, действительно ли она отправилась в Афганистан. Все это отражено в моем досье. И вот теперь, будучи обо всем в курсе дела, этот сукин сын не преминет воспользоваться имеющейся информацией.»

– Об этом мне известно очень немногое, – сказал он осторожно. Ему пришли на память стихи Киплинга, и он продекламировал несколько строк:

Если раненым будешь лежать одиноко в долине Афганской,
И появится женщина, чтоб последний удар нанести,
Дотянишь до ружья и в голову пулю пусти,
Чтобы к Богу явиться достойно на праздник солдатский.²

В голосе Уиндермэна впервые послышалось раздражение.

– Два года вы изображали из себя поэта, так что вам положено знать массу подобных вещей.

– Так и афганцы, – сказал Эллис. – Все они – поэты, как все французы – гурманы, а валлийцы – певцы.

– Неужели так?

– Потому что они не умеют ни читать, ни писать. Поэзия – это устная форма художественного творчества. – Уиндермэн с трудом сдерживал свое нетерпение. В плане его мероприятия на день не было времени для поэзии. Между тем Эллис продолжал:

– Афганцы – дикие лохматые злобные племена, живущие в горах. Они только-только порываются с нравами средневековья. Говорят, что они чрезвычайно вежливы, бесстрашны, как львы, и безжалостно жестоки. Их страна сурова, пустынна и неплодородна. А что вам известно о них?

– Такого понятия как «афганцы» нет в природе, – возразил Уиндермэн. – Есть шесть миллионов пуштунов на юге, три миллиона таджиков на западе, миллион узбеков на севере и еще примерно с дюжину других национальностей численностью меньше миллиона. Современные границы не имеют для них большого смысла: есть таджики на территории Советского Союза и пуштуны в Пакистане, некоторые из них разделены на племена. Они как краснокожие индейцы, которые считают себя не американцами, а апачами, неграми или сиу. Причем они запросто, как сейчас против русских, могут сцепиться друг с другом. Наша проблема заключается в том, чтобы объединить апачей и сиу в борьбе с бледнолицymi.

– Понимаю, – кивнул Эллис, задавая самому себе вопрос, когда Джейн окажется вовлеченней во все эти события? Он спросил: – Значит, основной вопрос: кому быть главарем?

– Это просто. Наиболее вероятным партизанским командиром является Ахмед Шах Масуд из долины Панишер.

Долина Пяти Львов. Что ты замышляешь, гнусный сукин сын? Эллис внимательно разглядывал гладко выбритое лицо Уиндермэна. Он казался абсолютно спокойным.

Эллис спросил:

– И в чем же заключаются удивительные способности Масуда?

– Большинство лидеров мятежников довольствуются тем, чтобы контролировать свои племена и собирать налоги, не допуская правительство к своей территории. Масуд делает

² Пер. Р. Виноградовой.

больше, чем остальные. Он выходит из своего бастиона в горах и атакует. Он занимает благоприятное положение по отношению к трем стратегическим целям: к столице – Кабулу, к тоннелю Саланг на единственном ныне шоссе от Кабула до афгано-советской границы и, наконец, к главной военно-воздушной базе Баграм. Учитывая столь благоприятное положение, Масуд способен причинить значительный ущерб, что он и делает. Он изучал искусство партизанской войны. Читал произведения Мао. Он, без сомнения, является во всей стране самым крупным военным экспертом. К тому же, у Масуда есть деньги. В его долине добывают изумруды, которые сбывают в Пакистане, Масуд взимает десяти процентный налог с оборота, используя вырученные средства на финансирование своей армии. Ему двадцать восемь лет, он явно авторитетный лидер, люди его просто боготворят. Кроме того, он таджик. По численности на первом месте пуштуны, все остальные ненавидят их, поэтому лидером не может стать пуштун. На втором месте по численности таджики. Не исключено, что они объединятся под началом таджики.

– И мы хотим содействовать этому процессу?

– Совершенно верно. Чем сильнее будут мятежники, тем больший урон они нанесут русским. Кроме того, успех в этом году разведслужбы США в Афганистане мог бы оказаться весьма полезным.

Тот факт, что афганцы борются за свою свободу против жестокого агрессора, мало волновал Уиндермэна и людей его круга, размышлял Эллис. Мораль в Вашингтоне вышла из моды. Демонстрация мощи – только это и принималось в расчет. Если бы Уиндермэн родился в Ленинграде, а не в Лос-Анджелесе, он чувствовал бы себя не менее счастливым, удачливым и всесильным и применял бы ту же самую тактику, сражаясь в противоположном лагере.

– И что же вы от меня хотите? – спросил его Эллис.

– Хотелось бы знать ваше мнение. Можно ли сделать так, чтобы какой-нибудь тайный агент способствовал союзу между разными афганскими племенами?

– Думаю, что да, – ответил Эллис. В это время принесли еду, и он невольно получил некоторое время для обдумывания. Когда официант ушел, Эллис заметил: – Думаю, что это возможно при наличии того, чего они от нас хотят. Я имею в виду оружие.

– Верно. – Уиндермэн начал есть, неторопливо, как человек, страдающий язвой желудка. В промежутке между маленькими кусками он заметил: – В настоящее время они покупают себе оружие в Пакистане. Все, что там можно получить – это копии британских ружей викторианской эпохи или, если не копии, то подлинные адские оригиналы, которым уже по сто лет, но из которых все еще можно стрелять. Они также забирают автоматы Калашникова у убитых русских солдат. Но им нужна малая артиллерия – зенитные орудия и ручные ракеты класса «земля-воздух», что позволяет им сбивать самолеты и вертолеты.

– Мы готовы предоставить им эти виды оружия?

– Да. Но не напрямую. Мы могли бы закамуфлировать нашу причастность, отправляя оружие через посредников. Тут нет никакой проблемы. Можно было бы привлечь Саудовскую Аравию.

– О'кей. – Эллис проглотил несколько кусочков омаря. Он показался вкусным. – Позвольте мне сказать, каким на мой взгляд мог бы быть первый шаг. В каждой группе партизан вам нужно иметь ядро людей, которые знают, понимают и доверяют Масуду. Эти люди станут, таким образом, связными Масуда. Их роль постепенно будет расширяться, прежде всего обмен информацией, потом взаимное сотрудничество и, наконец, согласованные планы военных действий.

– Звучит солидно, – сказал Уиндермэн. – И как это можно осуществить?

– Я предложил бы Масуду заняться программой подготовки людей в долине Пяти Львов. Каждая группа партизан на некоторое время направит несколько молодых людей для участия в военных действиях на стороне Масуда с тем, чтобы освоить методы, обеспечивающие ему

успех. Они также будут учиться относиться к нему с доверием и уважением, если он действительно такой способный командир, как вы говорите.

Уиндермэн задумчиво кивнул.

– Таково предложение, которое могло бы быть приемлемым для старейшин племен, которые отвергли бы любой план, предписывающий им выполнять приказы Масуда.

– Есть какой-нибудь конкретный соперничающий командир, сотрудничество с которым имеет решающее значение для любого союза?

– Да. Таковых двое: Яхан Камиль и Амаль Азизи. Оба пуштуны.

– Тогда я бы направил тайного агента с целью побудить обоих сесть за один стол с Масудом. Если он вернется с бумагой, скрепленной подписями всех троих, можно было бы отправить первую партию ракетных пусковых приспособлений. Их последующие партии будут поставлены в зависимость от успешного осуществления программы подготовки.

Уиндермэн положил вилку и закурил сигарету. «У него наверняка язва желудка», – подумал Эллис.

– Именно так я себе это и представлял, – проговорил Уиндермэн. Видимо, он уже размышлял о том, как выдать идею Эллиса за свою собственную. Уже назавтра он заявит: «Задачем мы разработали план», – а в его письменном рапорте будет сказано: «Специалисты по тайным операциям считают мой план выполнимым».

– С чем может быть связан риск данной операции?

Эллис задумался.

– Если русские возьмут агента в плен, это будет иметь для них пропагандистский эффект. В данный момент они имеют в Афганистане то, что Белый дом назвал бы «проблемой имиджа». Их союзники в Третьем мире не в восторге от того, как они опустошают маленькую бедную страну. Прежде всего их друзья в мусульманском мире склонны симпатизировать участникам движения Сопротивления. Нынешняя линия русских сводится к тому, что так называемые мятежники – это бандиты, получающие финансовую поддержку и оружие от ЦРУ. Они были бы просто счастливы в подтверждение этого поймать настоящего живого агента ЦРУ в этой стране, чтобы предать его суду. Думаю, что в geopolитическом плане такой подход нанес бы нам огромный ущерб.

– Каковы шансы, что русские поймают нашего человека?

– Незначительные. Если уж русские не могут поймать Масуда, куда им изловить тайного агента, заброшенного для встречи с Масудом?

– Ясно. – Уиндермэн загасил сигарету. – Я хочу, чтобы этим агентом были вы.

Такая развязка застала Эллиса врасплох. Он должен был бы мысленно готовиться к такому повороту, но пока сосредоточился главным образом на теоретическом аспекте проблемы.

– Не хочу больше иметь с этим дело, – сказал он, однако в его голосе не было убежденности, и он невольно задумался, – там я снова увидел бы Джейн, увидел бы Джейн!

– Я говорил с вашим боссом по телефону, – заметил Уиндермэн. – Он считает, что назначение в Афганистан могло бы способствовать вашему возвращению к деятельности внешней разведки.

Такой, стало быть, план. Белый дом решил провернуть нечто чрезвычайное в Афганистане, поэтому и обратился к ЦРУ с просьбой одолжить им агента. ЦРУ, желая его возвращения во внешнюю разведку, попросил Белый дом поручить Эллису выполнить это задание, зная – или подозревая, – что у него возникнет непреодолимое желание вновь увидеться с Джейн. Эллис ненавидел, когда им манипулируют. Однако он хотел побывать в долине Пяти Львов. Наступила продолжительная пауза.

– Так вы согласны? – нетерпеливо проговорил Уиндермэн.

– Надо все хорошенько обдумать, – проговорил Эллис.

* * *

Отец Эллиса тихонько рыгнул, извинился и сказал:

– Было очень вкусно.

Эллис отодвинул от себя тарелку с остатками пирога с вишнями и взбитыми сливками. Впервые в жизни ему пришлось следить за своим весом.

– Правда, очень вкусно, мама, но я больше не могу, – проговорил он извиняющимся тоном.

– Никто сейчас не ест как раньше, – сказала она и встала, чтобы убрать со стола. – Все это от того, что ездят в машине.

Отец отодвинул в сторону стул.

– Мне еще надо чуточку поколдовать над своей арифметикой.

– У тебя до сих пор нет бухгалтера? – спросил Эллис.

– Никто не разберется в собственных деньгах лучше, чем ты сам, – ответил отец. – Ты сразу убедишься в этом, если сам сумеешь чего-нибудь заработать. – Он вышел из комнаты, чтобы уединиться в своем кабинете.

Эллис помог матери убрать со стола. Семья переехала в этот дом с четырьмя спальнями в Тинеке, в штате Нью-Джерси, когда Эллису исполнилось тринадцать лет. Но он помнил переезд, словно это было вчера. Чтобы возникло их жилище, потребовались, без преувеличения, годы. Поначалу отец стоил этот дом в одиночку, подключая своих людей в процессе расширения собственной строительной фирмы. Но так было только в периоды экономического спада. Когда семья въехала в этот дом, он все еще не был готов, отопление не работало, в кухне отсутствовали шкафы, стены и потолки не покрашены. Горячую воду подключили на следующий день только потому, что мать пригрозила мужу разводом. В конце концов строительство было закончено и Эллис вместе с братьями и сестрами получили дом, в котором они прожили до своего совершеннолетия. Сейчас для отца с матерью он был велик, но Эллис надеялся, что родители сохранят этот дом, который вызвал в нем такие добрые и теплые воспоминания.

Когда они заложили в машину всю грязную посуду, он сказал:

– Мама, ты помнишь чемодан, который я здесь оставил после возвращения из Азии?

– Конечно. Он в шкафу, в маленькой спальне.

– Спасибо. Я хотел бы на него взглянуть.

– Сходи, посмотри. А я сама здесь управлюсь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.